Генер. Оффенберг
и наша армейская
кавалерия под
его начальством
1856–1862

Генералъ-отъ-кавалеріи

БАРОНЪ

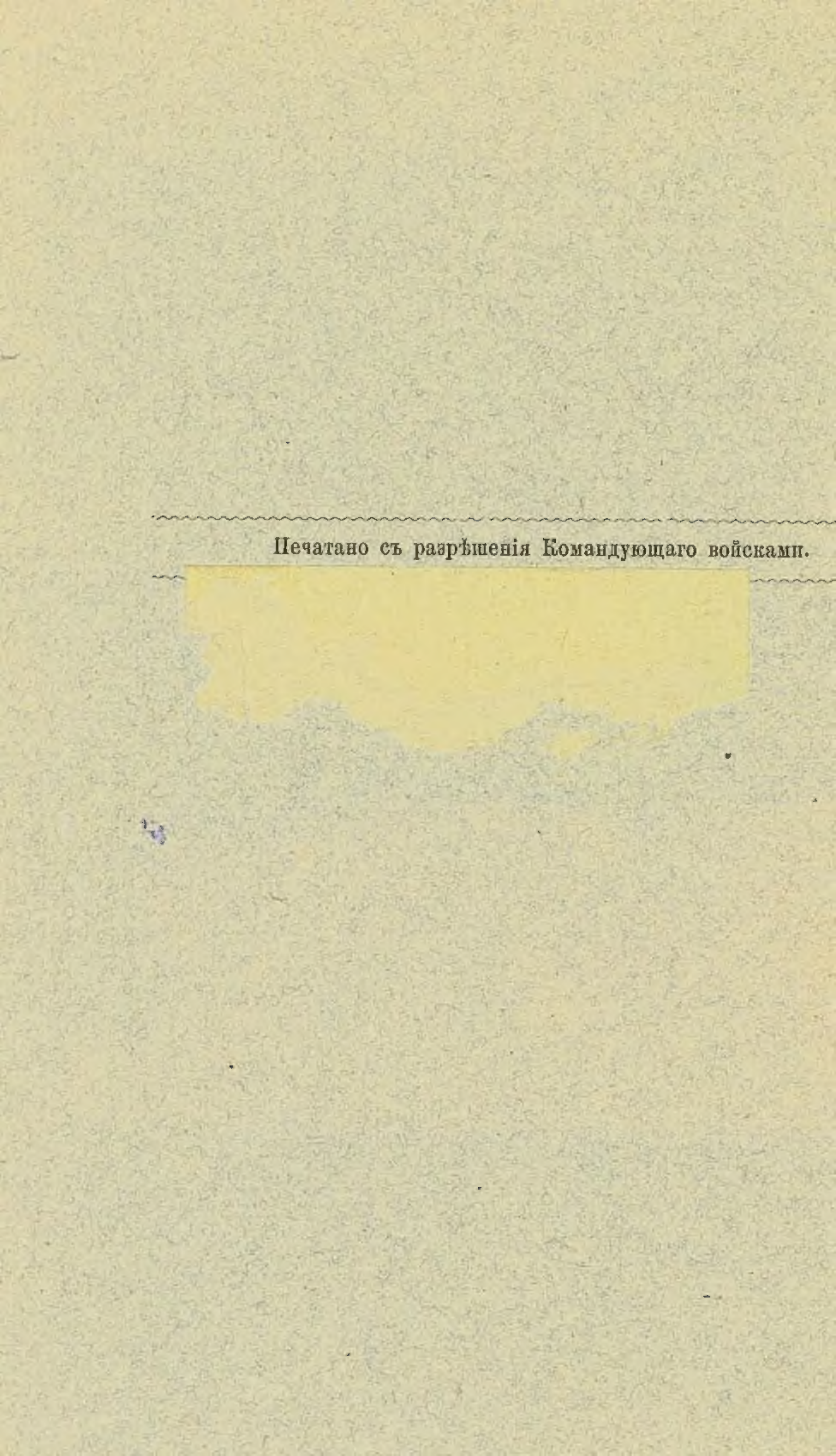
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ОФФЕНБЕРГЪ 2-й

и наша армейская кавалерія подъ его начальствомъ съ 1856 по 1862 годъ.

(*Изъ воспоминаній отставнаго кавалериста*)

КІЕВЪ.
Типографія Окружнаго Штаба.
1891.

Печатано съ разрѣшенія Командующаго войсками.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Н. Ѳ. Козлянинову.

2007059789

БИБЛ.
ЛЕНИНА

Генералъ-отъ-Кавалеріи
Баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ 2.

Генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ 2-й и наша армейская кавалерія подъ его начальствомъ съ 1856 по 1862 годъ.

(Изъ воспоминаній отставнаго кавалериста.)

„Mieux vaut tard que jamais!"

Вотъ уже скоро минетъ 20-ть лѣтъ, какъ злой недугъ ссадилъ меня съ боеваго коня и превратилъ изъ кавалериста въ мирнаго пахаря. Но не даромъ, видно, сложилъ народъ поговорку, что „хотя сосна и одна среди поля стоитъ, а все-же къ тому бору шумитъ"!—Новый родъ занятій и масса связанныхъ съ нимъ новыхъ заботъ и хлопотъ, за которыя мнѣ такъ нежданно-негаданно пришлось съ той поры взяться, не ослабили однако во мнѣ старой привязанности, а съ нею и какой-то какъ бы органической потребности быть хотя чѣмъ-нибудь полезнымъ конницѣ, въ рядахъ которой я, прослужа добрую четверть вѣка, сдѣлалъ три войны, и съ которою, какъ-бы по какой злой насмѣшкѣ судьбы, мнѣ пришлось на вѣки разстаться какъ разъ тогда, когда на нее только что вновь стали обращаться благосклонные взгляды новѣйшихъ стратеговъ и тактиковъ.—Но если такая потребность могла находить извѣстный исходъ и реализацію, когда я былъ еще на службѣ, то по часту спрашивалъ я себя: какую же, какую пользу я могъ бы приносить дорогому мнѣ ору-

жію теперь, стоя за плугомъ?—И на вопросъ этотъ,—сколько я его не переворачивалъ,—находилъ всегда одинъ лишъ отвѣтъ: да никакой другой, кромѣ развѣ той, какую можетъ приносить сыновьямъ или внукамъ старикъ своими разсказами про былое.—Знаю,—да и кто же нынѣ этого не знаетъ?—что польза, приносимая разсказами подобнаго рода, можетъ быть очень и даже очень велика: служа къ поддержкѣ нравственной связи смѣняющихся поколѣній, они въ тоже время могутъ еще способствовать и къ разъясненію прошлаго, безъ чего немыслимы ни правильное разумѣніе, ни тѣмъ болѣе вѣрная практическая установка настоящаго въ связи съ существовавшими и существующими условіями и требованіями. Но я знаю также, что для того, чтобы разсказы эти имѣли именно такое значеніе, надобно, чтобы разскащикъ, обладая богатымъ запасомъ матеріаловъ, относящихся ко времени, про которое онъ ведетъ рѣчь, владѣлъ-бы еще способностью къ вѣрной разцѣнкѣ и живому изображенію ихъ. Къ сугубому прискорбію моему, не имѣя основанія предполагать въ себѣ присутствія такой счастливой способности, я не имѣю права считать себя и за счастливаго обладателя такого запаса историческаго матеріала; а потому, естественно, не могу самообольщаться и тѣмъ, что, принимаясь и за роль разсказчика про былое нашей конницы,—за эту единственно остающуюся для меня роль, въ какой только и представляется еще мнѣ нѣкоторая возможность удовлетворить своей внутренней потребности—быть, хотя чѣмъ-нибудь, полезнымъ дорогой мнѣ конницѣ,—я буду въ состояніи послужить ей *такъ*, какъ бы того хотѣлъ.—Сознаніе слабости своихъ силъ въ этомъ отношеніи, смѣю въ томъ завѣрить читателя, если таковой найдется, во мнѣ до того велико, что, принимаясь за свои

стариковскіе разсказы, я страшусь не только за возможность какого—либо существенно-полезнаго значенія ихъ, но даже за то, съумѣю-ли, по крайней мѣрѣ, придать имъ хотя на столько занимательности, чтобы нынѣшніе кавалеристы пожелали прочесть ихъ до конца?!.. И если чѣмъ побѣждаю въ себѣ этотъ страхъ, то, съ одной стороны—расчетомъ на тотъ интересъ, съ которымъ, какъ слышно, нынѣшніе кавалеристы относятся ко всему, что только пишется о конницѣ, а съ другой—надеждою и на столь обычныя въ средѣ ихъ добродушіе и любезность: авось, думается мнѣ, съ этими чувствами они отнесутся, если и не къ самымъ разсказамъ, то хотя къ побужденіямъ разсказчика, своего-же собрата—кавалериста, не перестававшаго и за своимъ плугомъ горячо любить и страстно желать всяческихъ преуспѣянія и славы родной конницѣ и намѣривающагося въ своихъ разсказахъ вовсе не поучать, или—чего добраго—восхвалять свое былое на счетъ ихъ настоящаго, какъ то часто бываетъ свойственно намъ, старикамъ, а только, по мѣрѣ силъ и умѣнья,—*напомнить* имъ объ одной, не очень даже еще и далекой отъ настоящей, эпохѣ, пережитой нашею конницею. Я говорю о времени съ конца 1856 по начало 1862 года, когда почти вся наша армейская кавалерія, подъ названіемъ—„Отдѣльнаго Резервнаго Кавалерійскаго корпуса,“ была вручена высшему начальствованію и руководительству генерала-отъ-кавалеріи барона Ивана Петровича Оффенберга 2-го.

Непродолжительна, нешумлива, да, пожалуй, не особенно, если хотите, блестяща, а потому и не эфектна была для конницы эта эпоха, наступившая послѣ громовъ и шума, поднятыхъ Крымской войной; но..... но это только по своей внѣшности, а не по внутреннему ея

содержанію и духу, вообще характеризующихъ ее, которые даже и при нѣкоторомъ только мало-мальски внимательномъ ознакомленіи съ нею легко можно запримѣтить въ ней.—То была пора, съ какою совпали начала тѣхъ широкихъ преобразованій и улучшеній, которыя, благодатно обновляя весь нашъ государственный строй, а съ нимъ и всю нашу вооруженную силу, не могли естественно не коснуться и нашей конницы, нуждавшейся въ обновленіи,—какъ то указалъ кровавый опытъ войны,—едва-ли даже не болѣе, чѣмъ другіе роды оружій. И всѣ эти преобразованія и улучшенія въ ней *именно* въ *ту пору*—не только начались и повелись, но начались и повелись безъ колебаній, увлеченій или скачковъ, твердою и опытною рукою барона Ивана Петровича Оффенберга,—мало того что отлично понимавшаго вновь народившіяся требованія военнаго искусства по отношенію къ задачамъ и роли конницы, но далеко даже опережавшаго ихъ,—человѣка, страстно любившаго и прекрасно знавшаго всѣ нужды, потребности, всѣ добрыя и слабыя стороны нашей конницы, а потому ясно и точно опредѣлявшаго какъ цѣли, къ которымъ должны направляться преобразованія и улучшенія въ ней, такъ средства и пути, къ цѣлямъ этимъ ведущіе.—Преклонные годы, къ сожалѣнію, не дали этой во всѣхъ отношеніяхъ высокопочтенной, своеобразной и замѣчательной личности долго оставаться на своемъ посту и лишили ее возможности не только пожинать плоды, но даже видѣть нѣкоторые начавшіеся уже добрые всходы сѣмянъ, брошенныхъ его рукою на почву нашей конницы, съ любовью и вѣрою съ которою онъ сошелъ и въ могилу. Но „скоро, вѣдь, только сказски сказываются!“ А время, около пяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ Ивану Петровичу довелось занимать постъ командира Отдѣль-

наго кавалерійскаго корпуса, было слишкомъ короткимъ срокомъ, чтобы все передѣлать, переустановить, по новому направить въ такомъ многосложномъ, крѣпко установившемся и трудномъ дѣлѣ, какъ кавалерійское, чего хотѣло правительство да къ чему такъ горячо стремился и онъ самъ. Многое по этому имъ было только начато или даже помѣчено; многое изъ устанавливаемаго не успѣло еще вкорениться: вѣдь, дѣла не только вѣковъ, но и долгихъ десятилѣтій исправляются не легко!.... Но многое уже стало быстро и прекрасно прививаться, и, что особенно важно: всему,—а особенно правильнымъ воззрѣніямъ на задачи воспитанія, образованія и веденія кавалериста, его коня и конницы вообще,—даны были *импульсъ* и *вѣрное направленіе*, а въ насъ, офицерахъ, не только молодыхъ, но частію даже уже и не молодыхъ, возбуждены охота и интересъ къ такому изученію своего кавалерійскаго да и вообще военнаго дѣла, о какомъ до той поры небыло и рѣчи.....

Да, интересная и можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, многознаменательная была эта эпоха для нашей конницы,—эпоха, заслуживающая самаго внимательнаго изученія со стороны каждаго русскаго кавалериста и уже во всякомъ случаѣ стоющая того, чтобы не быть, по крайней мѣрѣ, забытою, а особенно въ настоящее время, когда о задачахъ, роли, значеніи конницы и усовершенствованіи ея такъ много говорятъ, пишутъ и заботятся. А между тѣмъ,—странное дѣло!—эпоха эта, не смотря на какія—либо, 30 лѣтъ, отдѣляющихъ ее отъ настоящей, и на тѣсную и по идеѣ, и по сущности, связь ея съ послѣднею, съ которою она находится въ такомъ-же соотношеніи, какъ начала къ вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ, нынѣ также точно игнорируется, какъ и тотъ дѣятель, которому принадле-

жала въ ней столь важная роль, что, врядъ-ли, было бы съ моей стороны натяжкою, если бы я даже назвалъ эту эпоху, пережитую нашею конницею,—*эпохою Оффенберговскою*.—Такъ, по крайней мѣрѣ, послѣ удаленія Оффенберга довольно долго называли его время мы, кавалеристы, глубоко чтившіе и любившіе его—и какъ несравненнаго начальника, и какъ *истаго, свѣдущаго, боеваго* кавалериста, живаго представителя славной эпохи 1812, 13 и 14 годовъ и ихъ лучшихъ преданій. Но шли годы, мѣнялись люди, воззрѣнія и вѣянія, рѣдѣли ряды учениковъ и сослуживцевъ барона Оффенберга, и память о его времени и дѣятельности, ослабѣвая мало по малу, нынѣ, увы! почти и вовсе исчезла въ нашей конницѣ... Чѣмъ же однако объяснить такую короткость памяти нашей въ данномъ случаѣ?—Неспособностью-ли людскою вообще къ полному пониманію и безпристрастной оцѣнкѣ дѣлъ и заслугъ своихъ современниковъ?—или-же тою безучастностью, съ какою мы, русскіе, по обыкновенію, относимся къ разпознанію нашего прошлаго, и что, лишая насъ устойчивости, дѣлаетъ столь наклонными сжигать сегодня то, чему вчера поклонялись,—разыскивать то, что давно уже найдено, и часто—принимать и даже *выдавать* за *новое* только *старое*, которое мы, по легкомыслію, либо не позаботились своевремено узнать, либо, плохо зная, умѣли только хорошо позабыть?!.. Рѣшать этого я уже не берусь и съ грустью могу тутъ константировать лишь тотъ фактъ, что ни сряду послѣ смерти И. П. Оффенберга, ни въ теченіи 20-ти лѣтъ, протекшихъ съ той поры, *никто, нигдѣ* и *ни разу* не обмолвился еще ни единымъ словомъ не только о его полувѣковой службѣ, но даже и о той особо—замѣчательной дѣятельности, какою служба его заключилась въ званіи командира Отдѣльнаго резервнаго кавалерій-

скаго корпуса, въ составъ котораго, за исключеніемъ двухъ дивизій (старыхъ: 1—и 7-й), да и то не устраненныхъ вполнѣ отъ его вліянія, входила—ни болѣе, ни менѣе,—какъ *вся* наша армейская кавалерія.

Попытаюсь-же сказать о этой дѣятельности Ивана Петровича и о времени, когда она совершалась, хотя нѣсколько словъ, не столько радуясь тому, что скажу ихъ первый, сколько сожалѣя о томъ, что вмѣсто меня не нашелся пока другой, сверстникъ-ли мой, или человѣкъ позднѣйшаго поколѣнія, но только владѣющій и болѣе богатыми матеріалами и бо̀льшею, чѣмъ я, способностью съ надлежащими вѣрностью и яркостью изобразить предъ нынѣшними кавалеристами то, о чемъ я разсказать имъ теперь намѣреваюсь. Французы, впрочемъ, говорятъ: “C'est le prémier pas que coute“...—Авось, за первымъ и неумѣлымъ шагомъ моимъ найдутся люди, которые и пожелаютъ да и съумѣютъ сдѣлать въ томъ же направленіи и дальнѣйшіе шаги, чего, собственно говоря, я только горячо и желаю.

Что же до моего разсказа, то поведу его, основываясь, частью—на личныхъ моихъ воспоминаніяхъ и воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ сослуживцевъ и друзей, изъ которыхъ иные и по сію пору продолжаютъ еще служить, неизмѣнно сохраняя въ памяти минувшую *Оффенберговскую* пору и ея завѣты, а частію—на нѣкоторыхъ офиціальныхъ документахъ, по счастію еще сохранившихся у меня и у нихъ.

I.

Хотя во время позднѣйшихъ четырехъ большихъ войнъ конница, строго говоря, далеко еще не проявила той мощи и того значенія, какія проявляла съ такими

поразительными силою и эфектомъ въ войнахъ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій, тѣмъ не менѣе и того, что ею было сдѣлано, представлялось совершенно уже достаточнымъ, чтобы наконецъ убѣдиться, что если и имѣлись причины, препятствовавшія ей воспріять и проявить въ этихъ новѣйшихъ войнахъ свои прежнія мощь и значеніе, то причины эти заключались—не столько въ усовершенствованіяхъ огнестрѣльнаго оружія и въ измѣнившемся, яко-бы, характерѣ веденія нынѣшнихъ войнъ и сраженій, сколько—въ *несовершенствахъ самой же конницы,* въ *неправильныхъ* ея организаціи, обученіи, воспитаніи и употребленіи. Выяснилось такимъ образомъ, что—*не время конницы миновало,* какъ то упорно, долго и чуть не поголовно твердили послѣ Крымской войны, а миновало только время вздорныхъ мнѣній о паденіи значенія конницы и естественно вытекавшаго отсюда небрежно-легковѣснаго отношенія къ ней. Оказалось, что для возвращенія ей былаго значенія требуются—не возвратъ къ гладкостволкѣ съ кремневымъ замкомъ, или къ 1/4 пуд. единорогу, не перенесеніе битвъ на поля Росбаха, Лейтена, или даже Дрездена или Лейпцига, а *приведеніе лишь въ строгое соотвѣтствіе съ назначеніемъ конницы ея устройства и всей ея боевой выработки и подготовки вообще...* И вотъ конницу, которую такъ сравнительно еще недавно многіе военные мыслители, неустрашимые въ своихъ логическихъ выводахъ, чуть-чуть только вовсе не исключали за ея боевую непригодность изъ рядовъ другихъ родовъ оружія, *нынѣ* вновь начинаютъ возстановлять въ ея рангѣ, и не только повсемѣстно увеличивать въ числѣ, но и прилагать всѣ мѣры и заботы къ усовершенствованію въ ней именно тѣхъ началъ, которыми главнѣйшимъ-то образомъ и обусловливается степень ея силы и значенія на

войнѣ и въ бояхъ. Ею всѣ нынѣ интересуются. Всѣ вновь возъимѣли къ ней любовь и довѣріе; а иные, въ порывѣ увлеченія, придавъ ей новое, для насъ, стариковъ, не вполнѣ даже понятное прозвище,—*стратегическаго рода оружія* (¹), начинают даже предвѣщать ей въ будущемъ роль и значеніе *гораздо большія* даже тѣхъ, какія она имѣла во времена своей былой славы. Толковать и писать о конницѣ стало нынѣ не только потребностью, но даже, какъ бы, какою то модою. Не говоря уже о спеціально-военныхъ журналахъ, между которыми нельзя почти встрѣтить книжку безъ статьи о конницѣ, о ней толкуютъ нынѣ не въ рѣдкость даже въ журналахъ и вовсе не военныхъ. А что до отдѣльныхъ всякаго рода, вида и объема изданій, посвящаемыхъ разработкѣ всевозможныхъ кавалерійскихъ вопросовъ, то ихъ появляется на нашихъ и иностранныхъ книжныхъ

(¹) По терминологіи, усвоенной нами, стариками, названія: *тактическій*, *стратегическій*, присваивались обыкновенно—*не родамъ оружія*, а *дѣйствіямъ* ихъ, въ зависимости *отъ цѣлей*, тактическихъ или стратегическихъ, съ какими дѣйствія эти предпринимаются. Для достиженія на войнѣ цѣлей,—все равно, *стратегическихъ*-ли, *тактическихъ*-ли, у войскъ имѣется одно лишь средство: бой, или, по меньшей мѣрѣ,—угроза боемъ. А такъ какъ средствомъ этимъ обладаютъ какъ *пѣхота*, такъ и *кавалерія*, изъ которыхъ, по этому, на *каждую*, взятую даже *отдѣльно*, могутъ быть равномѣрно возлагаемы какъ дѣйствія, имѣющія *стратегическія*, такъ и *тактическія* цѣли, то и придача той или другой изъ нихъ *исключительнаго* наименованія: *тактическаго*-ли, *стратегическаго*-ли *рода* оружія, представляется на нашъ стариковскій взглядъ—мало того что *неумѣстнымъ*, *страннымъ* въ терминологическомъ отношеніи, но способнымъ вызывать даже улыбку, которая невольно появилась-бы у каждаго,—ну, напримѣръ, хотя бы тогда, когда кому-либо пришло въ голову называть корпусъ инженеровъ *путей сообщенія*—корпусомъ *стратегическихъ инженеровъ* на томъ основаніи, что желѣзныя, шоссейныя и другіе пути сообщенія, устраиваемые ими, не рѣдко, какъ извѣстно, прокладываются и съ *цѣлями* чисто *стратегическими?!*... Переиначивать термины,—пожалуй, даже и общепринятый смыслъ словъ, принимать „мораль“ за „*мараль*“,—все это дозволительно лицамъ комедій Островскаго, но только имъ однимъ...

рынкахъ такая масса, какую не только не прочтешь, но пожалуй и не перечтешъ!.. Конечно, среди массы всѣхъ этихъ произведеній не мало встрѣчается вздорныхъ, писанныхъ подъ вліяніемъ увлеченій или модныхъ теченій; но не ими характеризируются мнѣнія и взгляды на конницу, успѣвшіе не только установиться въ нынѣшнемъ военномъ мірѣ и въ руководящихъ имъ сферахъ, но и *создать* уже для конницы, во многихъ отношеніяхъ, такія положеніе и обстановку, среди которыхъ ей остается только честно и энергично трудиться и работать надъ собой, чтобы оправдать въ будущемъ и всѣ матеріальныя затраты на нее и всѣ вѣрованія, которыми она нынѣ почтена.

Но не таковы, далеко не таковы были положеніе и обстановка, среди которыхъ очутилась конница послѣ продолжительной и тяжкой Восточной войны,—этой первой большой войны, разразившейся надъ Европою послѣ великихъ войнъ начала текущаго столѣтія.

Можно, полагаю, сказать, не боясь даже впасть въ преувеличеніе, что изъ всѣхъ войнъ, не только большихъ, но даже и небольшихъ, какія когда-либо велись на европейскомъ континентѣ, врядъ-ли, окажется хотя одна, въ которой конница играла бы болѣе пассивную, просто даже жалкую роль, чѣмъ та, что ей довелось играть во время компаніи 1853—56 годовъ. Не безъ того, конечно, что были нѣкоторые проблески ея дѣятельности и въ эту войну; но въ общемъ вся польза дѣятельности этой, крайне условная и при томъ, незначительная и сама по себѣ, представлялась еще болѣе ничтожною по сравненіи съ числительностью конницы и тѣми громадными расходами и затрудненіями, съ которыми сопрягалось ея содержаніе и продовольствіе на

театрахъ войны. Фактъ былъ поразительный, но, тѣмъ не менѣе, вѣрный!...

Въ чемъ же однако заключались причины паденія до такой жалкой роли рода оружія, столь нѣкогда прославленнаго, считавшагося всѣми до той поры за столь незамѣнимаго товарища для другихъ родовъ оружій, какъ при боевомъ счастіи, такъ и невзгодѣ, а теперь вдругъ ставшаго для нихъ—не только не нужною, но даже почти вредною обузою?!..—Да причины тому были совершенно, по существу, *тѣ-же*, что дѣйствовали и въ послѣдующихъ за Восточною компаніею войнахъ, хотя уже и въ значительно слабѣйшей степени. Онѣ заключались: частію—въ крайнихъ несовершенствахъ устройства и боевой подготовки конницы, всѣ заботы о которой предъ Восточною войною сводились не столько къ развитію въ ней внутреннихъ достоинствъ и качествъ, сколько къ внѣшней, экзерцисъ-гаузной, плацъ-парадной показности; а частію—и это конечно еще въ большей мѣрѣ,—въ крайне слабыхъ, чтобы не сказать только—совсѣмъ неумѣлыхъ, начальствованіи и употребленій конницы, что составляло особо характерную черту—если и не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, большинства лицъ, какъ стоявшихъ во главѣ конницы, такъ и тѣхъ, которые руководствовали всѣми тогдашними военными операціями вообще. Но причины эти, которыхъ и однѣхъ было слишкомъ достаточно, чтобы низвести роль конницы до нуля, не смотря даже на всю рельефность съ какою онѣ и во время самой войны выступали уже наружу и, такъ сказать, били въ глаза, большинствомъ, подавляющимъ большинствомъ современниковъ, ни приняты, ни даже замѣчены однако не были. Подобно тому, какъ философъ, изображаемый въ баснѣ Хемницера, не пожелалъ воспользоваться брошенною ему веревкою, что-

бы выбраться изъ пропасти, въ которую онъ упалъ, находя веревку слишкомъ уже *простымъ* для того средствомъ, такъ точно и большинство современниковъ Восточной войны не пожелало признать этихъ причинъ: онѣ представлялись имъ слишкомъ уже *простыми!* — И вотъ оно ревностно принялось за розыскъ другихъ, по мнѣнію его, болѣе существенныхъ, и безъ особаго даже труда очень скоро разыскало ихъ. Оказалось, что существенными, *настоящими* причинами жалкой роли, разыгранной конницею во время этой войны, были: *самый характеръ*, принятый войною, и *мѣстныя*, яко-бы, крайне неблагопріятныя для дѣйствій конницы условія театра войны вообще и полей сраженій въ частности, а главное, — въ чемъ собственно и заключалась вся тайна этого небывалаго явленія, — это: *губительная, неодолимая* для конницы *сила огня вновь появившагося нарѣзнаго ружья!!!*...

Какъ вспомнишь да подумаешь теперь, что и ружье-то это, говоря по правдѣ, вовсе не было уже тогда особою *новостью* (2); что и конница-то во время Восточной войны *нигдѣ* не извѣдала надъ собою *силы огня* этого ружья, за исключеніемъ Кюрюкъ-Дара и Башкадыклара, гдѣ онъ однако ни мало *не остановилъ* блестящихъ атакъ Нижегородскаго, Тверскаго и Новороссійскаго драгунскихъ полковъ; что, наконецъ, конница и *нашихъ*-то тогдашнихъ непріятелей, имѣвшая противу себя насъ, проявила *такую-же точно* жалкую дѣятель-

---

(2) Мы имѣли уже тогда, кромѣ 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ, еще по 9 человѣкъ въ каждой ротѣ, такъ называемыхъ, *штуцерныхъ*, вооруженныхъ отличнымъ Литтихскимъ карабиномъ. Все это были, прямо можно сказать, — отличные стрѣлки, какъ то можетъ удостовѣрить личнымъ свидѣтельствомъ пишущій эти строки, видѣвшій дѣйствія этихъ стрѣлковъ на Дунаѣ, въ Севастополѣ, подъ Инкерманомъ и на Черной рѣчкѣ.

ность, какъ и наша, которой приходилось дѣйствовать противу армій, чуть ли не вдесятеро лучше нашей вооруженныхъ и обученныхъ,—то, право—ей Богу, не знаешь даже, какъ и понять: на основаніи какихъ данныхъ и въ силу какихъ соображеній могло большинство тогдашняго военнаго міра прійти къ такому, воистину, нелѣпому заключенію, и остановиться на такомъ чисто-ребяческомъ объясненіи причинъ, парализовавшихъ дѣятельность конницы во время Восточной войны?—Конечно, не малую роль при этомъ играли—и слабое распространеніе въ этомъ мірѣ не только общаго, но и спеціально-военнаго образованія, и почти исчезавшія уже въ немъ традиціи временъ Суворовскихъ и Наполеоновскихъ, мѣста которыхъ давно уже стали заглушаться терніями всякихъ уставныхъ и учебно-парадныхъ кунштюковъ, узенькихъ помысловъ и вождѣлѣній, и многое, многое другое, о чемъ толковать здѣсь было-бы неумѣстно; но надобно полагать, что не меньшая тутъ роль принадлежитъ и тому поразительному впечатлѣнію, какое произвело тогда на весь, а русскій міръ, пожалуй, даже въ особенности, появленіе новаго ружья, и которое едва-ли нельзя не сравнить съ тѣмъ, какое нѣкогда производилось греческимъ огнемъ на суевѣрные умы и воображеніе крестоносцевъ.

Но, какъ-бы и отъ чего-бы то нибыло, правильно-ли, неправильно-ли, но таково было принятое, чуть только не всѣми, объясненіе причинъ ничтожной дѣятельности, проявленной конницею въ теченіи Восточной войны,—объясненіе, отъ котораго, понятно, не оставалось уже и шагу до вывода, что *время этого рода оружія*, значитъ, *минуло*. И выводъ этотъ, вначалѣ робко высказываемый и принимаемый, вскорѣ сталъ провозглашаться тѣмъ смѣлѣе и устанавливаться тѣмъ прочнѣе,

что въ подтвержденіе ему не замедлили появиться и новые аргументы,—по мнѣнію принимавшихъ выводъ этотъ, уже окончательно неопровержимые. Аргументы-же эти состояли: въ быстро-пошедшемъ съ той поры техническомъ усовершенствованіи *новаго* ружья, въ могучее подкрѣпленіе которому вскорѣ появилась еще и *новая*, также быстро совершенствуемая артиллерія.—„Конецъ, безповоротный конецъ настал для конницы!"—говорили, арифметически даже доказывая это, и съ каѳедръ, и на страницахъ журналовъ и даже въ офиціальныхъ собесѣдованіяхъ крайніе поборники *новыхъ* ружья и артиллеріи, возвѣщавшіе при семъ, попутно, и о наступленіи, яко-бы *новой* эры военнаго искусства.—„Совсѣмъ—не совсѣмъ,—замѣчали на это болѣе умѣренные, но, что роль конницы—*съузилась до крайности*, и что по этому *число* ея *можетъ* и *должно быть* значительно *сокращено*, какъ-то *воочію* показалъ *опытъ* войны, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія."—И если-бы всѣ эти и имъ подобныя разсужденія и заключенія дѣлались еще одними отвлеченными теоретиками, людьми, принадлежавшими къ *другимъ* родамъ оружій, или, по крайности, занимавшими лишь не высокія ступени чиновъ и должностей. Такъ нѣтъ! Они высказывались и лицами, видавшими, казалось, виды, и лицами, стоявшими высоко и, увы! даже многими *самими* кавалеристами!—Такъ, напр., князь Эмилій Витгенштейнъ (да и онъ-ли одинъ?) въ брошюрѣ своей, сильно тогда циркулировавшей въ обществѣ, отвергая, на основаніи, яко-бы, *своего* боеваго опыта, пользу и надобность, по наступившимъ временамъ, *регулярной* кавалеріи, считалъ *достаточнымъ* ограничиться имѣніемъ одной лишь *иррегулярной*, казачьей, да и той отводилъ на войнѣ много-много, что кой какія сторожку, развѣдку, а больше—развозку пакетовъ да приказаній.

А графъ А. А. Ржевускій, старый кавалеристъ, заслуженный начальникъ кавалерійской дивизіи (да и опять: онъ-ли одинъ думалъ такъ?) не только печатно восхвалялъ вышеназванную брошюру, но въ выводахъ своихъ о значеніи, организаціи и обученіи конницы, едва-ли даже, не шелъ еще далѣе кн. Витгенштейна!!...

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“—вотъ все, что нынѣ можно сказать, вспоминая о мнѣніяхъ о конницѣ, положительно воспреобладавшихъ въ военномъ мірѣ въ тѣ времена, а потому дававшихъ тогда и тонъ, и окраску кавалерійскому дѣлу, да ставшихъ въ концѣ концовъ достояніемъ и всего общества, которое вслѣдъ за военнымъ также начало громко говорить о безполезности конницы и *о непроизводительности затратъ на этотъ крайне дорогой, и нынѣ отжившій уже свое время родъ оружія*!..

Были, конечно, и тогда люди,—быть можетъ, даже искреннѣе, чѣмъ иные новѣйшіе поборники и поклонники конницы, отвергавшіе и опровергавшіе вышеуказанныя, воспреобладавшія до модности мнѣнія *о паденіи значенія ея*, но число этихъ людей было не велико, голосъ ихъ былъ слабъ среди всеобщаго шума и гама, да и мысли-то ихъ казались большинству нестоющими даже вниманія по ихъ заскорузлой ветхости!...

Нельзя сказать, чтобы правительства, по свойственному имъ вобще консерватизму, шли слишкомъ уже поспѣшно на встрѣчу мнѣніямъ о паденіи значенія конницы; но, однако, и онѣ склонялись больше къ нимъ, чѣмъ къ противуположнымъ, къ чему, между прочимъ, не мало также побуждались и соображеніями чисто финансоваго характера. Восточная война обошлась всѣмъ имъ, а нашему въ особенности, куда какъ не дешево! Заботы о

всяческомъ *сокращенiи* государственныхъ расходовъ и о изысканiи новыхъ источниковъ и средствъ, необходимыхъ на покрытiе народившихся и нарождающихся разнообразныхъ, многочисленныхъ и неотложныхъ общественныхъ потребностей выступали на первый планъ. А потому не удивительно, что расформированiе и сокращенiе кавалерiи, начатыя у насъ немедленно по окончанiи войны, шли затѣмъ съ неудержимой рѣшительностью и быстротой.

Расформировывались запасные и резервные эскадроны уланскихъ и гусарскихъ полковъ и резервная уланская дивизiя. Число эскадроновъ уланскихъ и гусарскихъ полковъ дѣйствующихъ дивизiй съ 8-ми уменьшалось до 6-ти, а армейскiе Кирасирскiе полки, приведенные сначала изъ 6-ти—эскадроннаго состава въ 4-хъ, а затѣмъ и въ 2-хъ эскадронный составъ, въ 1861 г. были, наконецъ, и вовсе упразднены, и т. д. (3).

Такiя крупныя сокращенiя, представлявшiяся какъ бы авторитетнымъ правительственнымъ подтвержденiемъ мнѣнiямъ о безполезности конницы, способствуя къ распространенiю и утвержденiю послѣднихъ въ военной средѣ и во всемъ обществѣ, особенно тяжело влiяли тогда на насъ, кавалерiйскихъ офицеровъ.—„Ну, что?— съ снисходительною улыбкою обращались при этомъ терявшiе или совсѣмъ уже утратившiе вѣру въ свой родъ оружiя кавалеристы къ тѣмъ своимъ товарищамъ, которые оставались еще неизмѣнно-вѣрными ему:—вы все еще будете отстаивать *необходимость* и *великое значенiе* конницы!?—*Ха, ха!* чудаки вы, господа, ей Богу!.—

(3) Словомъ: съ 1856 по 1863 годъ составъ кавалерiи, на мирномъ положенiи, *уменьшился* на 42756 коней!—„Обозрѣнiе состава и устр. регулярн. русск. Кавалерiи“, Полк. Иванова. С.-П., 1864 г.

„А охрана, а развѣдываніе о непріятелѣ, о мѣстности! ..— горячились послѣдніе, выбиваясь изъ силъ въ защитѣ дорогаго имъ оружія,—развѣ безъ нихъ можно обойтись на войнѣ?!—А кто же лучше васъ можетъ выполнить ихъ?“—„Многое вы нынѣ охраните, а особенно развѣдаете, когда прежде, чѣмъ вы приблизитесь-то къ непріятелю, такъ какой-нибудь десятокъ пѣхтуры, засѣвшей подъ кустами, какъ галокъ перестрѣляетъ васъ!...“ — возражали имъ первые.—Затѣмъ, по обыкновенію, начинался споръ, въ которомъ, увы! чаще большинство принимало сторону не защитниковъ кавалеріи!...

При всѣхъ этихъ расформированіяхъ и сокращеніяхъ частей офицеровъ, правда, не увольняли, предоставляя каждому продолжать службу въ любомъ изъ остающихся полковъ. Но многіе, очень многіе, и при томъ изъ отличныхъ офицеровъ, а особенно изъ имѣющихъ матеріальныя средства, предпочли лучше уйти въ отставку, чѣмъ продолжать службу въ родѣ оружія, признаваемомъ, если и не ими, то большинствомъ,—*пережившимъ свое время*, да еще въ *другомъ* полку, не въ *своемъ* мундирѣ!!. Надобно замѣтить, что привязанность къ *своимъ* полку и мундиру составляла въ ту пору особо характерную черту кавалерійскихъ офицеровъ. — „Сохраню, по крайности, хоть *свой* полковой мундиръ,“— говорили многіе изъ уходившихъ. .

Таковы-то создались послѣ Восточной войны общія положеніе и обстановка для конницы... Съ одной стороны: правда, не недружелюбныя, но не особенно и симпатичныя теченія и отношенія къ ней сверху, а особенно со стороны своего же министерства, у котораго на первомъ планѣ стояли тогда другія, большія и важныя заботы, но...—не о конницѣ, сокращеніе которой оно тѣмъ рѣшительнѣе производило, чѣмъ болѣе сомнѣ-

валось въ ея пользѣ вообще и чѣмъ болѣе стремилось къ сокращенію расходовъ. Съ другой стороны,—не только равнодушныя, но отчасти даже враждебныя отношенія къ ней большинства всего военнаго не кавалерійскаго міра и общества; а въ самомъ кавалерійскомъ міру—какая-то странная смуть, въ которой трудно было и разобраться: кто туда, кто сюда?!...

Да, тяжелы, очень тяжелы были эти обстановка и положеніе для конницы въ то время, а особенно для тѣхъ, кто любилъ и непоколебимо, сознательно вѣровалъ въ ея призваніе и назначеніе, и кому приходилось тогда не только улучшать, совершенствовать ее, но еще бороться и противъ мнѣній о полной или малой боевой пригодности ея,—мнѣній, ставшихъ, какъ бы, девизомъ той эпохи, о которой я веду рѣчь.

И, вотъ, среди такихъ-то крайне тяжелыхъ положенія и обстановки, составляющихъ прямую противуположность нынѣшнимъ, призванъ былъ начальствовать сю Иванъ Петровичъ баронъ Оффенбергъ, ВЫСОЧАЙШІЙ приказъ о назначеніи котораго командиромъ Отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса мы прочли въ 1856 г.

Вначалѣ, въ составъ этого корпуса вошли: 1-я и 2-я кирасирскія, 4-я, 5-я и 6-я легкія кавалерійскія дивизіи и 1 конно-піонерный дивизіонъ. Позже въ него были еще включены 2 и 3 легкія кавалерійскія дивизіи.

При корпусѣ этомъ состояли: 21-на конная батарея (при каждой дивизіи по двѣ конно-облегченныхъ и одной Донской) и, отдѣльно отъ нихъ, 6 резервныхъ конныхъ батарей. [4]

---

[4] Корпусъ былъ при этомъ переименованъ: *въ сводный кавалерійскій корпусъ*.

Мотивомъ къ сформированію такого громаднаго корпуса послужили, понятно, не столько боевыя, сколько административно учебныя цѣли, въ чемъ, помимо всего прочаго, можно убѣдиться и со словъ, сказанныхъ покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, въ маѣ 1857 г., генералу Козлянинову, при назначеніи его начальникомъ штаба этого корпуса.—„Я сформировалъ корпусъ,—изволилъ выразиться Государь Императоръ,—съ цѣлію установки въ нашей кавалеріи единства какъ въ строевомъ, такъ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ,—въ виду того, что до сихъ поръ наши кавалерійскія дивизіи не только въ этихъ отношеніяхъ, но даже въ дисциплинарномъ, руководствуются каждая *сама по себѣ*: одна—по правиламъ, установленнымъ гр. Никитинымъ, другая—гр. Сакенымъ, третья—Фельдмаршаломъ, и т. д.—Необходимо подчинить ихъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ правиламъ *единымъ* и *однообразнымъ* и такимъ образомъ *подвести ихъ къ одному знаменателю*. Передай это Генералу Оффенбергу и скажи ему, что я надѣюсь, что онъ успѣетъ достигнуть этого въ теченіи трехъ лѣтъ...(⁵)" Но прежде, чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, какимъ образомъ Иванъ Петровичъ и его новый Начальникъ Штаба, человѣкъ горячо преданный ему и вполнѣ съ нимъ солидарный по всѣмъ вопросамъ, относящимся до конницы, приступили къ возложенной на нихъ тяжелой миссіи, позволяю себѣ познакомить моего читателя съ жизнью и личностью Ивана Петровича.

(⁵) Слышалъ это отъ самого генер. Козлянинова, которому слова эти были сказаны въ присутствіи воен. Министра, Генералъ-Квартирмейстера и дежурнаго генерала.

II.

Баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ, родившійся въ 1792 году, принадлежалъ по происхожденію къ весьма старинной и почтенной семьѣ дворянъ Курляндской губерніи.—По обычаямъ того времени, довольно продолжительно впрочемъ сохранявшимся и позже какъ въ русскихъ, такъ и въ остзейскихъ губерніяхъ, дѣти дворянъ, по преимуществу стремившіяся въ военную службу, долго въ родительскихъ домахъ не засиживались. Вотъ почему въ 1807 г., когда Ивану Петровичу едва наступилъ шестнадцатый годъ, мы уже видимъ его юнкеромъ Псковскаго драгунскаго полка, въ которомъ онъ черезъ два года, въ 1809 году, получаетъ и первый офицерскій чинъ.

Въ Псковскомъ полку Иванъ Петровичъ остается однако не долго, и черезъ два года, въ 1811 г., переводится, по волѣ начальства, въ прибывшій изъ Сибири—Сибирскій уланскій полкъ, въ которомъ остается на службѣ пять лѣтъ, до 1816 года, когда переводится въ Л.-Гв. гусарскій полкъ, гдѣ сряду-же назначается Командиромъ эскадрона.

Съ Сибирскимъ уланскимъ полкомъ Иванъ Петровичъ дѣлаетъ походы 1812-го, 13-го и 14-го годовъ, учавствуя при этомъ ни болѣе, ни мѣнѣе,—какъ въ 35 дѣлахъ! Командуя эскадрономъ въ Бородинскомъ сраженіи, онъ получаетъ двѣ раны, картечью и пулею, по счастію такія, которыя онъ, благодаря своему могучему здоровью, излѣчиваетъ, не слѣзая, такъ сказать, съ коня, и которыя, хотя не вполнѣ еще и залѣченныя, не препятствуютъ уже ему подъ Краснымъ взять съ бою съ своимъ лихимъ эскадрономъ два непріятельскихъ орудія.—

Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ подъ Иваномъ Петровичемъ убиты двѣ лошади и онъ вновь раненъ пулею, но, по счастію, опять не особенно тяжело.

Въ 1823 году Иванъ Петровичъ назначается командиромъ Ямбургскаго уланскаго полка, которымъ прекрасно командуетъ до 1831 года, когда назначается командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ, командуя—то отдѣльными отрядами, то авангардомъ корпуса гр. Крейца, участвуетъ въ многихъ дѣлахъ, при преслѣдованіи между прочимъ Гелгуда до перехода послѣдняго въ Пруссію, и, наконецъ, при штурмѣ Варшавы, за что вознаграждается золотою саблею съ алмазами.

Въ 1832 г. онъ получаетъ назначеніе Командира Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка, переименованнаго впослѣдствіи въ Л.-Гв. драгунскій полкъ, а въ 1835 г. назначается начальникомъ 3 легкой кавалерійской дивизіи, которою командуетъ 15-ть лѣтъ, оставляя въ ней по себѣ надолго самыя лучшія воспоминанія, какія только начальникъ можетъ оставить по себѣ.—Съ этою дивизіею онъ дѣлаетъ Венгерскій походъ и, командуя авангардомъ корпуса гр. Редигера, участвуетъ въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ, Добречиномъ и при сдачѣ арміи Гергея подъ Вилогошемъ.

Въ 1850 г. Иванъ Петровичъ назначенъ Командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, во главѣ котораго оставался лишь до 1851 г., т. е., до назначенія его членомъ Военнаго Совѣта, въ званіи котораго, не принимая никакого непосредственнаго участія въ Восточной войнѣ, онъ остается до 1856 г., когда получаетъ назначеніе командира вновь сформированнаго отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса. По учреж-

денія Военныхъ Округовъ, по которымъ распредѣляются кавалерійскія дивизіи, входившія въ составъ этого корпуса, чѣмъ положенъ былъ конецъ и существованію последняго, Иванъ Петровичъ былъ вновь возращенъ въ Военный Совѣтъ съ назначеніемъ состоять при Особѣ Его Величества, чѣмъ собственно и заключилась его доблестная, высокочестная и полезная, болѣе чѣмъ--полувѣковая, служба.

Иванъ Петровичъ имѣлъ ордена: Св. Георгія 4 ст., Александра Невскаго и Св. Владиміра 1-й ст.; числился въ полкахъ: Л.-Гв. драгунскомъ и Л.-Гв. гусарскомъ, и былъ вторымъ шефомъ: Литовскаго уланскаго и Маріупольскаго гусарскаго полковъ.

Последніе годы своей жизни Иванъ Петровичъ скромно, въ одиночествѣ (онъ давно уже былъ вдовъ, а двое сыновей его находились на службѣ, далеко), проживалъ на своей родинѣ, въ г. Митавѣ, окруженный если и не пышнымъ, то глубокимъ уваженіемъ и сердечнымъ вниманіемъ не только родныхъ, близко-знакомыхъ, но и всего митавско-курляндскаго общества. Бывшіе сослуживцы и подчиненные его непереставали и здѣсь, въ его добровольномъ удаленіи, питать къ нему чувства почтенія и привязанности и, при всякомъ случаѣ, то посылать ему свои привѣтствія, то разузнавать, какъ поживаетъ „*нашъ* старикъ?“

Разъ, года этакъ за три до кончины Ивапа Петровича, мы были очень огорчены слухомъ, что старикъ нашъ, совершая свою обычную прогулку по улицамъ Митавы, какъ-то поскользнулся и, падая, сломалъ себѣ ногу. Дѣло не шуточное. а особенно на 75 году жизни!— Къ несчастію, слухъ этотъ оказался справедливымъ и самъ случай былъ переданъ намъ даже со всѣми подроб-

ностями.—Не успѣли старика принесть домой, какъ, разумѣется, тотъ-часъ-же сбѣжались всѣ родственники, знакомые, доктора. Дня черезъ три прискакали къ нему изъ Петербурга и сыновья. Но каковы-же были ихъ радость и удивленіе, когда они нашли отца не только совершенно спокойно лежащимъ съ повязкой на сломанной ногѣ,—по обыкновенію, въ парикѣ, съ тщательно подкрашенными усами и бакенами, покуривающимъ свою длинную трубку, но совсѣмъ бодрымъ и даже веселымъ?!—„Ну, вотъ, шутилъ Иванъ Петровичъ съ сыновьями,—видите, какъ не хорошо, когда на старости кавалеристу приходится браться не за свое дѣло и, вмѣсто прогулки верхомъ, дѣлать ее пѣшкомъ!... Однако, знаете-ли, какая странность? Вѣдь ломать себѣ ногу у насъ, какъ-бы, въ роду: и у дѣда, и у отца моихъ были сломаны ноги. Теперь сломалъ себѣ ногу и я; вѣроятно, кому-нибудь и изъ васъ предстоитъ тоже,—по наслѣдственности?!.. Но, впрочемъ, это такой вздоръ, о которомъ и говорить не стоитъ! . Конечно, я радъ васъ видѣть всегда, но изъ такого пустяка, что со мной случился, право, не стоило Вамъ тревожиться и сломя голову летѣть сюда, да еще *въ ущербъ* службѣ!...“ И старикъ тотъ часъ-же, какъ ни въ чемъ не бывало, перевелъ разговоръ на конницу, на распросы о томъ, что въ ней теперь дѣлается? кто, гдѣ и какъ, изъ его сослуживцевъ и бывшихъ подчиненныхъ служитъ, что дѣлаетъ?.. Для такого желѣзнаго человѣка, какимъ былъ Иванъ Петровичъ, переломъ ноги оказался дѣйствительно пустякомъ! Мѣсяца черезъ три, четыре, нога срослась и онъ, какъ мы съ радостью узнали, не только всталъ благополучно съ постели, но опять даже началъ дѣлать и „не свое дѣло,“ прогуливаться *пѣшкомъ*....

Умеръ Иванъ Петровичъ 18 Февраля 1870 год въ Митавѣ, гдѣ и погребенъ. Умеръ онъ послѣ непродолжительной болѣзни, сохранивъ свѣжесть ума, памяти и даже веселость до послѣдняго вздоха, и только в послѣдніе уже дни, и то изрѣдка, впадая въ легкі бредъ, изъ котораго, впрочемъ, быстро приходилъ въ себя, и въ которомъ все таки ему ничего другаго не чудилось, какъ бои, да атаки, да налеты конницы! — „Напрасно, напрасно вы такъ долго остаетесь здѣсь, у меня,“ — часто говорилъ онъ сыновьямъ. — „Когда я умру, — того не знаютъ не только доктора, но даже я *самъ*: можетъ быть черезъ нѣсколько дней, а можетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ?! — такъ вы тутъ все и будете сидѣть подлѣ меня и ждать моей кончины? — фуй?! .. — да, наконецъ, придетъ смерть, я съумѣю умереть и самъ: вѣдь это вовсе не трудно; а вотъ твоему полку, Питеръ, и твоему эскадрону, Өедоръ, ([6]) безъ командировъ быть трудно!..“ — Принимая во вниманіе физическую крѣпость отца, которому болѣзнь его, заключавшаяся въ общемъ недомоганіи, казалось, и въ самомъ дѣлѣ не грозила еще близкою кончиною, сыновья порѣшили наконецъ уступить его настойчивымъ требованіямъ — хотя на половину: старшій уѣхалъ къ своему полку, а младшій остался еще при отцѣ, на нѣкоторое время, съ тѣмъ, конечно, чтобы въ случаѣ чего немедленно же вызвать брата. Но на этотъ разъ разсчеты и самого Ивана Петровича и его сыновей оказались не вѣрны: вскорѣ послѣ отъѣзда старшаго сына болѣзнь вдругъ приняла такой

([6]) Петръ и Өедоръ Ивановичи, первый — старшій сынъ Ив. Петровича, командовалъ тогда Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, а второй, младшій, былъ командиромъ эскадрона въ Л.-Г. Гусарскомъ полку. Послѣдній не много пережилъ отца, а старшій, въ отставкѣ генералъ-маіоръ, живъ и по нынѣ.

крутой поворотъ, что прежде, чѣмъ тотъ могъ вернуться въ Митаву, его отецъ уже умеръ.

„А знаешь, Ѳедоръ,—мнѣ что-то очень худо: кажется, что наступаетъ смерть..“ сказалъ Иванъ Петровичъ сыну, прося помочь ему приподняться и сѣсть на постели. Тотъ, исполняя его желаніе, съ трудно сдерживаемыми рыданіями, началъ было утѣшать его.— „Э, да ты я вижу плачешь?! Гусары не такъ должны разставаться!. Вели подать шампанскаго! .“—Подали шампанское; налили два бокала.—„Дай мнѣ трубку!“—Подали трубку...—„Ну, .—собирая послѣднія силы, заговорилъ Иванъ Петровичъ, держа въ одной рукѣ бокалъ, въ другой трубку,—теперь чокнемся. . выпьемъ за благополучіе... твое и брата... за нашу кавалерію...“ и, чокнувшись съ сыномъ, онъ понесъ, было, бокалъ къ губамъ, но бокалъ и трубка выпали у него изъ рукъ и самъ онъ упалъ на подушку. Ивана Петровича не стало!..

Согласно волѣ покойнаго похороны его должны были быть самыя скромныя. Пастору завѣщалось дать 100 руб. серебр., если только онъ не станетъ говорить надгробной рѣчи; въ противномъ же случаѣ—ничего.

Ненавистникомъ громкихъ фразъ, пышныхъ реляцій и всякихъ рекламъ Иванъ Петровичъ былъ всю свою жизнь; такимъ онъ сошелъ и въ могилу!...

Гдѣ именно Иванъ Петровичъ получилъ свое образованіе, и при какихъ условіяхъ шло оно до поступленія на службу?—того, къ сожалѣнію, опредѣлительно сказать не могу; но кажется, что оно было болѣе домашнее, чѣмъ школьное. При чемъ,—сколько вспоминаются мимолетныя разсказы о порѣ его юности, которые мнѣ иногда доводилось слышать отъ него самого,—есть основаніе предполагать, что образованіе это было, хотя не особенно широкое, блестящее,—въ то время у насъ,

на Руси: „всѣ учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь“,—но, однако, далеко и не небрежное, участіе въ которомъ, по духу времени, принадлежало не однимъ пасторамъ и мѣстнымъ гелертамъ, но, несомнѣнно, и гувернерамъ—французамъ, и даже не въ малой дозѣ. Къ такому, по крайности, заключенію приводятъ, какъ французскій языкъ, съ знаніемъ котораго онъ явился уже на службу (по русски онъ въ ту пору почти не зналъ вовсе), и его общее знакомство съ французскими писателями прошлаго вѣка, такъ еще болѣе—направленіе и колибъ его міровоззрѣнія вообще, въ которомъ—если всегда и проглядывали нѣмецкіе методизмъ и ригоризмъ, то, едва-ли, даже не въ большей еще мѣрѣ давали чувствовать себя французскіе—скептицизмъ, сарказмъ и наклонность къ быстрому обобщенію идей и явленій.—Но если начальное образованіе Ивана Петровича не было широко и блестяще, то большой природный умъ, тонкая наблюдательность и практическая смѣтливость дополнили многое, чего не дало ему, быть можетъ, ученіе и во всякомъ случаѣ выработали изъ него человѣка, умѣвшаго отлично, оригинально и часто очень мѣтко понимать и судить и событія, и людей, и ихъ дѣла, и помыслы и побесѣдовать съ которымъ, полагаю, для всякаго серьезнаго человѣка, было не только интересно, но и поучительно. По крайней мѣрѣ, такое всегда впечатлѣніе выносилъ я изъ бесѣдъ, которыя мнѣ часто доводилось вести съ нимъ иногда по цѣлымъ вечерамъ, а особенно послѣ отъѣзда его сыновей и генерала Козлянинова (7) изъ Елисаветграда, когда Иванъ Петро-

(7) Генералъ Козляниновъ получилъ тогда назначеніе командующимъ 5 кавал. дивизіею, Штабъ-квартира которой тогда находилась въ г. Умани, а сыновья Ивана Петровича, по окончаніи курса въ офицерскомъ кавалерійскомъ училищѣ, назначены были на службу, въ Петербургъ.

вичъ, оставаясь въ одиночествѣ, то, случалось, дѣйствительно по службѣ, а то и подъ предлогомъ только службы, очень часто звалъ меня къ себѣ.

На долгой службѣ своей Иванъ Петровичъ, конечно, узналъ хорошо русскій языкъ и изъяснялся на немъ, хотя и не безъ нѣкотораго акцента, но вполнѣ свободно, бойко, совершенно удобопонятно даже для солдатъ; но, какъ сынъ своего времени, онъ имѣлъ привычку въ обыкновенномъ разговорѣ до того пересыпать свою рѣчь иностранными словами, даже цѣлыми фразами, что для опредѣленія того, на какомъ языкѣ она велась, вѣрнѣе всего было-бы сказать, что на русско-французско-нѣмецкомъ. Ту же привычку онъ неизмѣнно сохранялъ и диктуя, бывало, мнѣ нѣкоторые свои приказы, наставленія, и проч., редакціонную обработку которыхъ онъ возлагалъ уже на меня, всегда добавляя: „C'est deja votre affaire, mon cher! .“—Но эта привычка, не смотря даже и на шамканье, происходившее уже отъ недостатка зубовъ и дѣлавшее иногда слова его рѣчи не совсѣмъ ясными, не только ни мало не уменьшала интересности, но даже придавала какую-то особенную своеобразность и даже своего рода прелесть его разговорамъ: такъ, бывало, и чувствуешь, и видишь—и въ нихъ, и въ энергическомъ, часто пылкомъ тонѣ ихъ, и въ манерѣ разсказчика черты той великой эпохи, которую такъ поразительно—вѣрно изобразилъ авторъ „Войны и мира“,—того времени, про которое поэтъ-кавалеристъ сказалъ: „то былъ вѣкъ богатырей.—„А Иванъ Петровичъ былъ безусловно продуктомъ того вѣка,—продуктомъ, на который если позже наступившая пора,—когда, по выраженію того-же поэта: „смѣшались шашки и полѣзли изъ щелей мошки и букашки“,—быть можетъ и имѣла нѣкоторое свое вліяніе, но далеко не такое, чтобы переиначить, пере-

родить его и изгладить то, что наложилъ на него „вѣкъ богатырей“, подъ впечатлѣніями котораго были прожиты имъ разсвѣтъ и лучшая пора его жизни.—Иванъ Петровичъ былъ слишкомъ практическимъ человѣкомъ, чтобы безплодно плыть противу теченія, соваться, такъ сказать, съ тѣмъ, на что не было болѣе спросу, но и слишкомъ стойкимъ и гордымъ человѣкомъ, чтобы отказываться отъ того, что считалъ, по своему, правдою, а тѣмъ болѣе, чтобы впасть въ угодничество...

Не могу воздержаться, чтобы не разсказать при этомъ одного изъ многихъ, впрочемъ, фактовъ жизни Ивана Петровича, отлично характеризующихъ его личность.

Переводъ его въ 1816 г. изъ Сибирскаго уланскаго въ Л.-Г. гусарскій полкъ, гдѣ онъ, какъ замѣчено выше, сряду-же по переводѣ получилъ эскадронъ, былъ сдѣланъ по волѣ Государя, желавшаго, по окончаніи войнъ, ввести въ составъ этого любимаго своего полка нѣкоторыхъ изъ особенно выдающихся по своимъ боевымъ отличіямъ и знанію кавалерійской службы офицеровъ армейской конницы. Но для службы въ такомъ видномъ полку, а особенно въ ту пору, требовались такія большія средства, получать которыя изъ дому Иванъ Петровичъ не могъ, почему,—волей не волей,—вынужденъ былъ отказаться отъ Царской милости, съ откровенностью объяснивъ поводъ къ своему отказу. Тогда Государь Александръ Павловичъ, выдавъ Оффенбергу единовременное пособіе, назначилъ кромѣ того ему изъ собственнаго кабинета еще и ежегодное вспомоществованіе, въ размѣрѣ,—не помню хорошо, но кажется, 5 тыс. рублей ассигн., и переводъ его былъ сдѣланъ Прошло нѣсколько лѣтъ, и новый лейбъ-гусаръ, успѣвшій обратить своею службою вниманіе многихъ, удостоился,

между прочимъ, вниманія и Великаго князя Николая Павловича, бывшаго въ ту пору Начальникомъ инженеровъ и по мысли котораго формировался тогда л.-гв Конно-піонерный дивизіонъ. Желая сразу-же вручить это любимое свое дѣтище не только вполнѣ благонадежному офицеру, но опытному и отличному кавалеристу, Николай Павловичъ остановилъ свой выборъ на баронѣ Оффенбергѣ, который и былъ приглашенъ къ нему. Но каково-же было изумленіе Николая Павловича, когда на милостивое и почетное предложеніе свое онъ услышалъ отъ бар. Оффенберга категорическій отказъ?!..

— „Это-же почему?“ — спросилъ Николай Павловичъ.

— „Да потому, Ваше Императорское Высочество, что не имѣю средствъ служить въ гвард. піонерахъ“, — отвѣчалъ тотъ.

— „Какъ такъ, когда ты можешь служить въ лейбъ-гусарахъ, что во всякомъ случаѣ много дороже?..„

— „Я служу въ л.-гусарахъ не на свои, а на средства, милостиво мнѣ даруемыя Государемъ Императоромъ,“—отвѣчалъ бар. Оффенбергъ.

— „ А, а!... Ну, когда такъ, то можно ходатайствовать о сохраненіи этого пособія за тобою и при назначеніи тебя командиромъ конно-піонеровъ?!..,

— „Не считаю, Ваше Императорское Высочество, для себя возможнымъ возбуждать подобное ходатайство: мнѣ было пожаловано пособіе, потому что Государю благоугодно было, чтобы я могъ служить въ Л.-Гусарскомъ полку; слѣдовательно, только оставаясь въ этомъ полку, я имѣю право на пособіе“...

— „Пожалуй, ты правъ... но тогда можно помочь бѣдѣ и иначе,—замѣтилъ Николай Павловичъ,—Я дамъ

тебѣ въ такомъ случаѣ пособіе отъ Себя, и даже еще большее“...

— „Ваше Императорское Высочество! — сказалъ тогда молодой офицеръ,—по преданіямъ, съ которыми я не разстанусь, пока остаюсь воиномъ, рыцарь можетъ принимать денежное вспомоществованіе безъ ущерба своему достоинству только отъ одного своего Государя!...“

Николай Павловичъ при этомъ вспыхнулъ и, не вымолвивъ больше ни слова, прекратилъ аудіэнцію. По вступленіи Своемъ на престолъ, Николай Павловичъ переложилъ однако гнѣвъ на милость и, не переставая при обращеніи своемъ къ Оффенбергу иначе называть его, какъ: „Mein Ritter“, все свое царствованіе постоянно оказывалъ ему знаки своего вниманія и расположенія.

Настоящимъ рыцаремъ, да еще барономъ, аристократомъ, въ дѣйствительности Иванъ Петровичъ и былъ, хотя тотъ впалъ-бы въ прегрубую ошибку, кто вздумалъ-бы причислять его къ категоріи тѣхъ бароновъ и аристократовъ, для которыхъ *человѣкъ начинается* лишь съ барона.—„Титулъ и происхожденіе,—говаривалъ часто онъ,—только *признаки*, но не *доказательства* порядочности человѣка“.—„Я раздѣляю людей только на двѣ категоріи: на умныхъ, способныхъ, честныхъ, правдивыхъ, и—на глупцевъ, неспособныхъ, безчестныхъ и лгуновъ, и другаго раздѣленія не допускаю и не понимаю“.—„Ну, что съ того, что онъ носитъ громкій титулъ, всю жизнь Богу молится да псалмы поетъ?! А посмотрите-ка, сколько интриговалъ онъ, сколько фухтелей, розогъ извелъ на солдатъ въ манежѣ“—разсказывалъ Иванъ Петровичъ про гр. Д. Е. С—на, котораго вообще не долюбливалъ, и который, по его мнѣнію,

„умѣлъ только умно и красно говорить и писать, но *не дѣлать.*“ — „Я сужу человѣка,—добавлялъ онъ,—не потому, что онъ говоритъ и пишетъ, какую вѣру исповѣдуетъ и часто-ли молится, а *потому,—что* онъ *дѣлаетъ?!..*“

И эти, какъ и тому подобные, афоризмы были не пустыми въ его устахъ фразами, а нравственными принципами, которымъ онъ всегда оставался вѣрнымъ. Въ нихъ-то, въ этихъ принципахъ, конечно, и заключалась тайна того безпристрастія, съ которымъ онъ относился къ людямъ, а особенно къ своимъ подчиненнымъ, и всегда вѣрной оцѣнки имъ послѣднихъ, и того уваженія, въ которомъ не могли отказать ему даже люди, не любившіе его, такъ какъ, разумѣется, были и такіе.— „On ne peut pas être au gré de tout le monde!“ — было также однимъ изъ афоризмовъ Ивана Петровича, никогда ни предъ кѣмъ неприслуживавшагося, какъ никогда не гнавшагося и ни за какою популярностью. Всякое подлаживанье, — вверхъ-ли, внизъ-ли, всякое фразерство, ходульность, а ужъ особенно комедіанство, не только не вязались, но прямо шли въ разрѣзъ съ его честною, открытою натурою и независимымъ характеромъ. Онъ былъ всегда *самимъ собою*; разыгрывать же какую-либо роль,—*казаться* кѣмъ-нибудь онъ не только не считалъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, но, полагаю, по натурѣ своей, даже и не могъ-бы..

Матеріальными средствами Иванъ Петровичъ располагалъ очень хорошими, но, по свойственной ему аккуратности, а еще болѣе — по привычкѣ къ простой, безхитростной жизни, разкошничать не любилъ, хотя всегда жилъ съ довольствомъ и комфортомъ и былъ вообще радушнымъ хозяиномъ.

Не будучи самъ букою, онъ не особенно и симпатизировалъ букамъ; любилъ хорошее общество, особенно дамское, да любилъ, чтобы и офицеры посѣщали такое-же, а особенно молодые. Это, по мнѣнію его, было вѣрнѣйшимъ средствомъ противу загрубѣлости нравовъ и привычекъ, во что такъ легко впасть офицеру при прочихъ условіяхъ армейской жизни. Кавалерійскій же офицеръ, по мнѣнію Ивана Петровича, долженъ былъ быть—не только лихимъ наѣздникомъ, образованнымъ человѣкомъ, но и *галантнымъ кавалеромъ*.—„Пожалуйста,—говаривалъ, бывало, Иванъ Петровичъ командирамъ полковъ,—какъ то неоднократно слышалъ самолично пишущій эти строки,—заставляйте офицеровъ побольше служить, заниматься своимъ дѣломъ, но *не оставляйте* безъ вниманія и *воспитанія* ихъ: почаще, хотя запросто, собирайте ихъ у себя, заботьтесь, чтобы они посѣщали порядочное общество, сами почаще бывайте въ обществѣ съ ними..—Иначе какъ же вы узнаете офицеровъ, какъ будете вліять на нихъ?.. Какъ обережете отъ загрубѣлости и неразлучной съ нею водки?!..“ Все въ этихъ-же видахъ, по приказанію Ивана Петровича, разсылались по полкамъ и извѣщенія объ общественныхъ вечернихъ собраніяхъ, балахъ, концертахъ и т. п., бывавшихъ тогда въ Елисаветградѣ, посѣщеніе которыхъ офицерами ему было всегда по душѣ.

— „Въ какой формѣ,—Ваше Высокопревосходительство, изволите приказать бывать офицерамъ на вечерахъ, балахъ..“—спросили однажды Ивана Петровича.— „Э, Боже мой!—отвѣчалъ онъ,—тутъ дѣло не *въ формѣ*, а въ томъ, чтобы они побольше бывали въ обществѣ, побольше видѣли и узнавали свое начальство, а начальство ихъ, да чтобы они поменьше сидѣли въ мужицкихъ избахъ.. —Ну, назначьте форму, да только не

очень стѣсняйте ею загородныхъ, пріѣзжихъ офицеровъ. Вѣдь, прибывая сюда на вечеръ, а много на сутки,— по двое, по трое въ *одномъ* экипажѣ или даже повозкѣ, они не могутъ же забирать съ собою всѣхъ своихъ формъ?!.. „Какъ то разъ Иванъ Петровичъ узналъ о вѣроятномъ проѣздѣ чрезъ Елисаветградъ одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ, котораго почему-то онъ находилъ необходимымъ видѣть. А такъ какъ тотъ, ѣхавши въ отпускъ, могъ проѣхать и безостановочно, то Иванъ Петровичъ послалъ на почтовую станцію жандарма, съ приказаніемъ: просить генерала заѣхать къ нему. Ѣхавши налегкѣ, генералъ не имѣлъ съ собою формы, а потому, явившись на зовъ, началъ съ принесенія извиненій предъ командиромъ корпуса за несоблюденіе формы.—„Э, Боже мой, прервалъ его Иванъ Петровичъ,—да, вѣдь, мнѣ *не форму* вашу нужно было видѣть, а васъ, чтобы поговорить о дѣлѣ"...

Требованіе *дѣла* и *дѣла*, — *дѣла* всегда, вездѣ, прежде всего, составляло не только особую, рѣзко выдающуюся черту его нрава, но, какъ бы, органическую потребность всей его натуры, игнорируя которую легко можно было даже его, человѣка съ огромною выдержкою характера и воли, и уже вовсе не взрывчатаго, не нервнаго, приводить въ сильныя раздраженіе и неудовольствіе. Всѣ это уже знали, а потому всячески старались избѣгать затрогивать эту струну его какъ при докладахъ, такъ и во всѣхъ служебныхъ съ нимъ отношеніяхъ —Когда, бывало, онъ вступаетъ съ вами въ разговоръ,—не бойтесь противорѣчить ему, хотя-бы въ рѣзкой формѣ: откровенный, часто до рѣзкости, самъ, онъ уважалъ это и въ другихъ, и любилъ даже возраженія, которыя выслушивалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ,—лишь бы только они были

толковыя, *дѣловыя*.—За это, между прочимъ, помимо солидарности въ воззрѣніяхъ вообще, а на конницу въ особенности, онъ очень любилъ и уважалъ и своего начальника штаба, генерала К.—„Это очень умный, образованный, даровитый и въ высшей мѣрѣ честный человѣкъ,—не разъ говаривалъ мнѣ о немъ Иванъ Петровичъ,—жаль одно: слишкомъ онъ горячій и все слишкомъ уже близко принимающій къ сердцу человѣкъ, чѣмъ можетъ погубить себя“..

Мелочнымъ, а особенно педантнымъ Иванъ Петровичъ не былъ никогда и, по обыкновенію, всегда даже насмѣхался надъ людьми, страдающими этими недугами. „Все это люди, — говаривалъ онъ,—которые, замѣчая какую-нибудь пуговицу на одеждѣ, не способны видѣть не только всей одежды, но даже и того, кто въ нее одѣтъ!“—Что же до существенныхъ и важнѣйшихъ сторонъ службы, то въ этомъ отношеніи Иванъ Петровичъ являлся столько-же настойчиво—и даже—сурово требовательнымъ, сколько и строго взыскательнымъ начальникомъ: что приказано, то,—coute que coute,—а должно было быть исполнено,—вотъ тебѣ тутъ и весь сказъ!—Но такъ какъ такая требовательность всегда ровная, покойная, отличалась еще своими разумностью, практичностью и ясною опредѣленностью, а взыскательность, не выходя за предѣлы законности, никогда не была оскорбительною, то и служба подъ начальствомъ Ивана Петровича никогда ни для кого не была тяжелымъ или непріятнымъ бременемъ.

„Требуйте,—поучалъ, бывало, въ своихъ бесѣдахъ онъ,—требуйте настойчиво, но *прежде*, чѣмъ требовать, сообразите, въ какой мѣрѣ ваше требованіе исполнимо!—Затѣмъ—хорошо объясните, укажите: какъ его исполнить? и затѣмъ уже,—взыскивайте...—Взыскивать не бой-

тесь строго,—не задѣвайте только при этомъ у подчиненныхъ вашихъ leurs valeur et point d'honneur, что надо *подымать* въ нихъ, а не унижать. Что такое человѣкъ, да еще кавалеристъ, безъ valeur et point d'honneur?!—фуй!...“—„Знаете, еще что скверно? А я у многихъ это замѣчалъ! Это,—когда начальникъ *не уважаетъ* и не только *не вѣритъ* въ своихъ подчиненныхъ, но даже вѣчно *подозрѣваетъ* ихъ во всемъ худомъ,—точно онъ самъ не былъ на ихъ мѣстѣ, а прямо вскочилъ на свое, съ котораго,—изволите видѣть,—только и начинаются и умъ, и способности et toutes les vertues!!...—Такъ, сдѣлался, наприм., такой человѣкъ командиромъ полка, и вотъ—всѣ дивизіонеры и командиры эскадроновъ, какимъ онъ самъ былъ *вчера*, вдругъ, становятся у него и глупцами, и лѣнтяями, и недобросовѣстными людьми!.... Завтра онъ сдѣлался начальникомъ дивизіи,—въ ту же категорію сейчасъ же попадаютъ у него уже и полковые командиры, и т. д... Въ результатѣ такого нелѣпаго отношенія къ подчиненнымъ у такого начальника непремѣнно является крайне мелочная *подозрительность*, а съ нею невольная уже склонность и къ наушничанью, и къ сплетнѣ,... и тогда,—прощай всѣ правильныя служебныя отношенія между нимъ и подчиненными: вмѣсто взаимнаго уваженія является—обоюдное презрѣніе, вмѣсто привязанности—ненависть, вмѣсто правды,—одна фальшъ, а въ заключеніе исчезаютъ даже и настоящія дисциплина и субординація. Да, да!—Я не хочу этимъ сказать, что наблюденіе и повѣрка не нужны,—вовсе нѣтъ!—Наблюдайте, узнавайте, повѣряйте вашихъ подчиненныхъ, но *какъ людей*, могущихъ то или другое *не довольно хорошо понимать, знать* или *исполнять, впадать въ ошибки*, а *отнюдь—не какъ глупцовъ, лѣнтяевъ* или *мошенниковъ!!* „Встрѣчались мнѣ, конечно,

и такіе, но *такъ немного*, что по нимъ *не слѣдуетъ судить о всѣхъ,—никогда*!..—Я даже думаю,—рѣзко, по обыкновенію, обрывалъ свою рѣчь Иванъ Петровичъ,—что тотъ, кто себя одного считаетъ умникомъ и честнымъ,—самъ дуракъ и мошенникъ!..“ И что особенно любопытно, что такъ разсуждалъ и говорилъ не какой-нибудь теоретикъ, сантиментâлистъ или утопистъ, а человѣкъ—*реалистъ*—до мозга костей, по складу всѣхъ мыслей своихъ чуждый всякой мечтательности и фантастичности!...

Говорить про глубокое знаніе Ивана Петровича кавалерійской службы во всѣхъ, такъ сказать, деталяхъ и изгибахъ ея, считаю за лишнее; но я не могу здѣсь не замѣтить, что и въ общей области Военнаго Искусства онъ былъ далеко не темнымъ человѣкомъ и основныя начала его понималъ съ замѣчательною широтою и ясностью, почему очень часто высказывалъ по поводу его такія заключенія и мысли, подъ которыми,—завѣряю,—обѣими руками подписались-бы и наиболѣе прославленные изъ нынѣшнихъ военныхъ писателей. Конечно, эти понятія о военномъ искусствѣ были вынесены Иваномъ Петровичемъ не столько изъ книгъ,—которыхъ, замѣчу мимоходомъ, онъ не былъ однако врагомъ никогда,—сколько изъ боевой его практики; но поле этой практики, представляемое *пятью* компаніями, сдѣланными имъ, было слишкомъ достаточно и широко, и разнообразно для того, чтобы на немъ могъ многому научиться и многое понять даже и не такой умный и наблюдательный человѣкъ, какимъ былъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ. А потому, что же удивительнаго, что, на вновь появившіяся и воспреобладавшія тогда мнѣнія о паденіи конницы, онъ смотрѣлъ, какъ на вздорныя бредни; говоря, что *пала* не конница, а *пали* ея обученіе, вос-

питаніе, предводительствованіе и умѣнье понимать ее; а что роль и значеніе ея—не только *никогда* не падутъ, но будутъ рости по мѣрѣ того, какъ будутъ рости и увеличиваться армія. — „Совершенствуйте конницу, но не уменьшайте, не унижайте ее, mais ne touchez pas à la Reine!“—горячился, бывало, Иванъ Петровичъ, пророчески добавляя:—„Я, конечно, не увижу, но вы,—вы увидите, какъ *опять будутъ увеличивать* конницу, какъ *опять будутъ хлопотать* надъ ней!—да иначе и быть не можетъ, ибо безъ нея армія—хуже, чѣмъ безъ рукъ, безъ глазъ и ушей!...—Вспомните, во времена Наполеона арміи имѣли уже лучшія ружья, а особенно артиллерію, и сражались не на однѣхъ равнинахъ, какъ при Фридрихѣ, а развѣ число конницы не стало больше и роль ея не осталась тою же?!...“

Таковъ былъ баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ, личность котораго я тутъ, по мѣрѣ моихъ силъ, попытался очертить предъ моимъ читателемъ, быть можетъ, и вовсе не слыхавшимъ даже о немъ, и которому волею Царскою была въ 1856 г. вручена почти вся наша армейская кавалерія, во время, такъ сказать,—самое для нея ненастное.

Попытаюсь же теперь разсказать, что помню и знаю о томъ, какъ принялся за исполненіе возложенной на него задачи этотъ, хотя почти уже 70-ти лѣтній тогда, но полный еще энергіи и силъ старикъ,— этотъ, хотя по религіи и происхожденію и не русскій человѣкъ, но человѣкъ съ чисто русскою душею, съ русскою преданностью Царю и Россіи, съ любовью къ нашему офицеру и солдату и съ непоколебимою вѣрою, что русская конница „*и можетъ, и должна* быть *луч-*

шею въ свѣтѣ,—стоитъ лишь *того захотѣть* и *съумѣть!..."* ([8])

III.

Цѣлью сформированія отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задачею, какую предстояло рѣшить его командиру, бар. Оффенбергу,—какъ выше уже замѣчено,—поставлялось: установленіе *однообразныхъ правилъ*, которыми руководствовались бы безразлично всѣ части нашей армейской кавалеріи какъ въ строевомъ, такъ административномъ, хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ, отсутствіе чего до той поры отражалось не только разнообразно, но и крайне вообще неблагопріятно какъ на ихъ благостояніи, такъ и на ихъ боевой подготовкѣ вообще. Задача широкая, сложная,—трудная и сама по себѣ, а особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Ивану Петровичу приходилось приниматься за рѣшеніе ея.

Дѣло въ томъ, что *разнообразіе* правилъ, которыми руководствовались части нашей кавалеріи, и порядковъ, установившихся въ нихъ въ силу разновременныхъ и разнохарактерныхъ распоряженій: князя Варшавскаго, графовъ Никитина, Остенъ-Сакена, и другихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ крупныхъ кавалерійскихъ частей, было слѣдствіемъ вовсе не произвольныхъ усмотрѣній этихъ лицъ, а тѣхъ особыхъ условій, среди которыхъ они стояли, а именно: неполноты, неясности, а иногда и практической непримѣнимости, какими страдали многія изъ существовавшихъ тогда положеній, уставовъ и инструкцій, относящихся до кавалеріи, что,

---

([8]) Собственныя слова Ивана Петровича, слышанныя отъ него тысячи разъ, и не однимъ мною.

естественно, заставляло каждаго изъ этихъ лицъ,—*по своему*, конечно,—пополнять, разъяснять и примѣнять ихъ. Это—съ *одной стороны*; а съ *другой:* отсутствіе въ нашей конницѣ *единоначалія*, которое одно только и могло бы не допускать всѣмъ этимъ пополненіямъ, разъясненіямъ и примѣненіямъ принимать, не рѣдко, характеръ чисто субъективныхъ распоряженій и вести части нашей конницы по разнымъ путямъ. Сформированіемъ *Отдѣльнаго* резервнаго кавалерійскаго корпуса сразу устранялось само собою послѣднее изъ этихъ неблагопріятныхъ условій; но не устранялось первое, т. е.,—недостатки существовавшихъ положеній, уставовъ, инструкцій и проч., которые, вдобавокъ къ тому, оказывались во многомъ уже устарѣвшими и вообще несоотвѣтствовавшими вновь народившимся требованіямъ какъ военнаго дѣла, такъ и времени. А потому, рѣшеніе задачи о установленіи въ частяхъ нашей конницы *однообразныхъ* правилъ и порядковъ сводилось такимъ образомъ—ни болѣе,—ни менѣе, какъ къ необходимости самаго тщательнаго пересмотра не только всѣхъ существовавшихъ положеній, уставовъ и инструкцій, относившихся до кавалеріи вообще, но и тѣхъ обычаевъ, правилъ и порядковъ, которые установились въ ней помимо ихъ.

Правда, разрушить все зданіе, чтобы на мѣсто его возводить новое, надобности, по мнѣнію барона Оффенберга, не представлялось; но основательная передѣлка, обновленіе и приспособленіе его къ новымъ потребностямъ признавались имъ, да и дѣйствительно были безусловно необходимыми тѣмъ болѣе, что съ задачею, заключавшеюся, по рельефному выраженію покойнаго Государя, въ *подведеніи* частей нашей армейской кавалеріи къ *одному знаменателю*", Иванъ Петровичъ неразрывно связывалъ еще и задачу—*доведенія* нашей кон-

ницы до возможно полнаго соотвѣтствія тому громадному назначенію, какое ей въ войнахъ принадлежало, да по его убѣжденію, *несомнѣнно должно было принадлежать и въ будущемъ*.

Власть, дарованная генералу барону Оффенбергу, какъ командиру отдѣльнаго корпуса, была велика. Но, тѣмъ не менѣе, масса вопросовъ, относящихся не только до комплектованія, ремонтированія, организаціи, управленія и устройства кавалеріи вообще, но даже до ея обученія и строеваго образованія,—вопросовъ, безъ предварительнаго рѣшенія которыхъ немыслимо было существенное рѣшеніе и задачи, данной ему, далеко выходила за предѣлы этой власти. Командиру отдѣльнаго корпуса, правда, было предоставлено широкое право „вчинанія,“ дѣланія представленій по всѣмъ этимъ вопросамъ, чѣмъ Иванъ Петровичъ и пользовался, не оставивъ безъ серьезнаго вниманія, а иногда и обработки, можно сказать,—ни одного изъ нихъ. Что же касается до рѣшенія ихъ, то, такъ какъ таковое, въ большинствѣ случаевъ, зависѣло не отъ него, то не отъ него, въ дѣйствительности, зависѣли и успѣшность и систематичность, съ какою имъ велась работа о подведеніи нашей кавалеріи къ одному знаменателю и о доведеніи ея до возможно-высокаго совершенства, къ чему устремлялись всѣ помыслы и заботы какъ самого Ивана Петровича, такъ и ближайшаго сотрудника его и начальника штаба, генерала Коз—пова. Немедленно могло такимъ образомъ дѣлаться лишь то, сравнительно, немногое, что не выходило изъ круга власти его; все же прочее, т. е. самое большее, исполнялось по мѣрѣ того, какъ оно разрѣшалось, и чего, обыкновенно, по самой процедурѣ разсмотрѣнія и утвержденія дѣлъ, приходилось нерѣдко ждать по долгу, къ великому огорченію старика.

Упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы пояснить нѣкоторую, какъ-бы, неполноту, замѣчаемую при разсмотрѣніи того, что имъ сдѣлано по отношенію къ поставленной ему задачи и въ чемъ обвинять его было-бы несправедливо, а также и для того, чтобы указать, что оцѣнка дѣятельности Ивана Петровича, какъ Командира Отдѣльнаго корпуса, должна быть по этому дѣлаема не съ точки зрѣнія большей или меньшей законченности поставленной ему задачи, а со стороны расчистки имъ путей, ведущихъ къ такому ея рѣшенію, и тѣхъ *началъ, направленія* и *духа*, которые имъ неуклонно вносились во все, что только имъ съ тою же цѣлію ни дѣлалось.

Не лишнее, полагаю, здѣсь добавить къ тому, что выше говорено относительно личности Ивана Петровича, что онъ,—да по счастливой случайности и его Начальникъ штаба,—принадлежали и по характеру, и по образу мыслей къ числу тѣхъ не часто встрѣчающихся общественныхъ дѣятелей, которые не умѣютъ, да и неспособны, иначе приниматься за дѣло, какъ, такъ сказать, съ его корня.—Съ корня они и взялись за него.

Для созданія конницы, какъ и всякаго рода оружія, необходимы прежде всего свѣдующіе въ своемъ дѣлѣ начальники и учителя, т. е. командиры эскадроновъ и офицеры вообще. Можно ли же было признать такими, если не всѣхъ, то, по крайности,—хотя большинство нашихъ тогдашнихъ армейскихъ кавалерійскихъ офицеровъ?—По наступившимъ времени и требованіямъ военнаго дѣла,—положительно нельзя. Учениковъ единственнаго спеціально-кавалерійскаго учебнаго заведенія, бывшей школы гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ, *не хватало* и для пополненія гвардейской кавалеріи.—Воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, хотя и незна-

комыхъ вовсе съ кавалерійскимъ дѣломъ, но ознакомленныхъ, по крайности, хотя и поверхностно, съ военнымъ искусствомъ вообще, выходило въ офицеры армейской кавалеріи такое *ничтожное число*, которое тонуло и стушевывалось въ массѣ остальныхъ. А масса-то эта откуда-же пополнялась? Изъ юнкеровъ да изъ унтеръ-офицеровъ, производимыхъ въ офицеры за выслугу лѣтъ. Но такъ какъ послѣдніе, какъ по числу, такъ и по значенію ихъ въ офицерской средѣ, представляли собою также крайне *ничтожную* величину, то офицеры, производимые изъ *юнкеровъ*, составляли тогда, по сущности, главнѣйшую основу персонала офицеровъ нашей армейской кавалеріи.—Но, что-же за люди были эти юнкера, бывшіе такимъ манеромъ дождемъ и солнцемъ этого персонала?—Все это были сыновья дворянскихъ, болѣе или менѣе, зажиточныхъ семействъ, зачастую получавшіе дома *свѣтское*, иногда щегольское даже воспитаніе, но, за рѣдкимъ исключеніемъ, поступавшіе обыкновенно на службу съ *крайне-поверхностнымъ* общимъ образованіемъ и, всѣ,—*безъ всякаго уже исключенія*,—*безъ малѣйшаго*, хотя бы элементарнаго *военнаго образованія*,—пробѣлъ, какого они, даже при всемъ своемъ желаніи, ни коимъ образомъ не могли пополнить и на службѣ при господствовавшихъ до Восточной войны требованіяхъ и порядкахъ, когда все дѣло и обще-военнаго, и спеціально-кавалерійскаго образованія,—изумительная пора!!.—сведено было лишь къ задалбливанію уставовъ, къ рутинной муштрѣ да къ плацъ-парадному показу. Откуда же, при такихъ условіяхъ, могъ выработаться въ корпусѣ офицеровъ нашей кавалеріи тотъ персоналъ начальниковъ и учителей, который могъ бы *свернуть* кавалерійское дѣло со *стараго*, опытомъ войны осужденнаго, пути и повести его по новому!—

Такого персонала выработаться, понятно, не могло, да его и не оказывалось. А такъ какъ безъ него всѣ труды *„о подведеніи къ одному знаменателю“* и усовершенствованію нашей конницы превращались бы въ одну пустую мечту, то, ясно, что съ созданія такого персонала надлежало дѣло и начинать, т. е: съ *измѣненія* установившагося у насъ *комплектованія* офицеровъ,—*во первыхъ*, и съ *поднятія* общаго и спеціально-кавалерійскаго образованія у *имѣющагося* уже персонала офицерскаго,—*во вторыхъ*. Такъ именно и глядѣлъ на дѣло Иванъ Петровичъ. Но такъ какъ рѣшеніе перваго вопроса далеко выходило за предѣлы не только его, но, отчасти, и власти самого военнаго министерства, то, не переставая указывать на него и даже принимать нѣкоторыя, хотя и паліативныя мѣры, которыми хотя нѣсколько ослаблялись бы недостатки, присущіе ему (о чемъ мы скажемъ ниже), онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на второмъ, т. е.: на принятіи *безотлагательныхъ* и *энергическихъ мѣръ къ поднятію уровня военнаго образованія въ существующемъ офицерскомъ персоналѣ*, который,—какъ Иванъ Петровичъ и не ошибся,—не только представлялъ почву, способную воспріять это образованіе, но, подъ вліяніемъ духа, охватывавшаго тогда всѣ слои русскаго общества, и самъ начиналъ стремиться къ пріобрѣтенію знаній и вообще къ образованію себя.

И, вотъ, съ первой поры вступленія въ свою должность, первымъ дѣломъ, о чемъ настойчиво ходатайствуетъ Иванъ Петровичъ, это—*о учрежденіи въ г. Елисаветградѣ Офицерскаго кавалерійскаго училища*, проектъ положенія о которомъ, выработанный *непосредственно* имъ, совмѣстно съ своимъ Начальникомъ штаба, генер. К—вымъ, и удостоивается, безъ всякихъ измѣненій, ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія, 22-го Мая 1858 года.

Поводовъ къ устройству училища именно въ Елисаветградѣ было много, начиная съ готовыхъ уже и, болѣе или менѣе, соотвѣтствующихъ помѣщеній для него. Съ одной стороны, Елисаветградъ представлялъ большія удобства по *климатическимъ* условіямъ своимъ, дозволявшимъ вести занятія на коняхъ въ полѣ слишкомъ *восемь* мѣсяцевъ въ году; съ другой—это былъ пунктъ, въ которомъ *ежегодно* бывало *по три большихъ конскихъ ярмарки*, на которыхъ офицеры не только съ удобствомъ могли пріобрѣтать подъ свое сѣдло лошадей, но и прекрасно, путемъ живой практики, ознакомляться съ лошадью вообще и съ условіями торговли ею. Мало того: Елисаветградъ былъ еще пунктомъ, живя въ которомъ офицеръ, при *не дорогой* жизни вообще, не только *не отрѣшался* отъ *обычныхъ* условій своего армейскаго быта, но, находясь въ училищѣ, *не ускользалъ* еще и отъ *наблюденія* полковаго начальства и своихъ полковыхъ товарищей, которые, часто вообще посѣщая Елисаветградъ, всегда отлично знали, что въ училищѣ дѣлается, *кто* и *какъ* въ немъ занимается?...—Наконецъ, находясь въ Елисаветградѣ, училище находилось еще и подъ *непосредственнымъ наблюденіемъ самого* командира корпуса, а Иванъ Петровичъ, горячо преданный идеѣ совершенствованія нашей конницы, которая, по его убѣжденію, должна была быть *лучшею въ мірѣ*, и проникнутый сознаніемъ того значенія, какое создаваемое имъ училище должно въ этомъ отношеніи имѣть, желалъ—не только наблюдать, но непосредственно и руководить всѣми занятіями въ немъ.

Да такъ оно, во всемъ значеніи этого слова, и было. Со дня открытія училища и до окончательнаго отъѣзда своего изъ Елисаветграда, по расформированіи корпуса, онъ съ неутомимостью, удивительною въ его уже годы,

не переставалъ посѣщать ни классныхъ, ни манежныхъ или полевыхъ занятій, на которыхъ, не смотря, иногда на стужу и сырость, проводилъ,—и это почти *ежедневно*,—помногу часовъ, давая свои указанія и наставленія какъ обучающимъ, такъ и обучающимся; а случалось, и нерѣдко, что онъ *самъ* „гонялъ“ офицерскую смѣну, то—самолично обучалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ ѣздѣ и выѣздкѣ,—вниманіе, которымъ удостоивался, между прочимъ, и пишущій эти строки; или же, подъ своимъ наблюденіемъ, производилъ, бывало, выѣздку нѣкоторыхъ изъ собственныхъ офицерскихъ лошадей, особенно выдавшихся своими достоинствами или дурнымъ нравомъ. Да что!—случалось, что и *самъ* даже садился на такихъ!—„Это ваши руки и шпоры виноваты!“—Сердился разъ на меня на одномъ изъ уроковъ Иванъ Петровичъ, видя, какъ лошадь моя, при всякой перемѣнѣ ноги на галопѣ, давала такого козла, при которомъ я едва,—едва удерживался на ней. Я оправдывался, ссылаясь на лошадь, дѣйствительно очень своенравную, чтобы не сказать болѣе —„А вотъ я вамъ покажу, что не лошадь, а вы виноваты!—Слѣзайте!—Жиляевъ (кирасирскій ун.-офиц., отличный ѣздокъ) садись!“—Но, когда лошадь и подъ Жиляевымъ задала жестокаго козла, то старикъ окончательно вышелъ изъ себя.—„Пошелъ прочь! Дай сюда лошадь!—закричалъ онъ. Лошадь была рослая, да, вдобавокъ къ тому, еще плохо дававшаяся садиться. Но, не смотря однако на все это, старикъ, хотя и не безъ труда, усѣлся на нее и около полу-часа ѣздилъ на ней, дѣлая всяческія перемѣны ногъ, при чемъ лошадь не обнаружила даже намѣренія дать козла.—„Ну, вотъ, теперь видите, кто виноватъ: лошадь или всадникъ?“ сказалъ Иванъ Петровичъ, слѣзая съ коня и обращаясь ко мнѣ и всѣмъ офицерамъ, присутствовав-

нимъ, не безъ удивленія, тутъ при урокѣ, данномъ въ искусствѣ ѣзды намъ, тогда еще молодымъ, этимъ 70-ти лѣтнимъ уже старцемъ...

Цѣлью учрежденія училища, согласно „Положенія" о немъ, поставлялось: „1-е, спеціальное образованіе ка-„валерійскихъ офицеровъ, пріобрѣвшихъ уже на службѣ „нѣкоторую опытность и могущихъ быть въ послѣдствіи „хорошими эскадронными командирами и 2-е, приготов-„леніе свѣдущихъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ офицеровъ-„инструкторовъ въ полкахъ."—Сообразно съ этою цѣлію, поступленіе въ училище дозволялось оберъ-офицерамъ отъ корнетскаго до ротмистерскаго чина, включительно, а курсъ занятій ихъ долженъ былъ состоять изъ слѣ-дующихъ предметовъ: „Воинскихъ уставовъ о кавале-„рійской службѣ; 2-е, тактики всѣхъ родовъ оружія, въ „совокупности съ кавалеріею, но вкратцѣ; 3-е, изученія „теоріи „Малой войны" въ полномъ объемѣ, съ основа-„тельнымъ ознакомленіемъ офицеровъ съ топографичес-„кими картами; 4-е, краткаго очерка полевой фортифи-„каціи и артиллеріи; 5-е, теоріи верховой ѣзды и вы-„ѣздки въ полномъ обьемѣ, съ примѣненіемъ уроковъ къ „практикѣ: 6-е, уроковъ правильнаго взнуздыванія, сѣд-„ланія и вьюченія кавалерійской лошади; 7-е, ипполо-„гіи и главныхъ основаній ветеринарнаго искусства „вкратцѣ, но съ возможною подробностью въ отношеніи „накожныхъ сыпей и болѣзней копытъ; 8-е, правильной „ковки при различныхъ условіяхъ копыта, времени года „и мѣстности—и, 9-е, волтижированія, фехтованія и „стрѣльбы."

Раздвигать цѣли училища, а сообразно съ тѣмъ увеличивать число и расширять объемы преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, не представлялось тогда ни практически—осуществимымъ, ни даже надобнымъ, какимъ,

едва-ли, не остается и теперь, спустя 32 года. Но если и *теперь*, несмотря на всѣ преобразованія, коренным образомъ измѣнившія весь войсковой бытъ и, между прочимъ, *комплектованіе* кавалерійскими офицерами, при которомъ *ни одинъ* изъ нихъ нынѣ не надѣваетъ уже эполетъ, не пройдя чрезъ горнило специально кавалер. училищъ; *если и теперь* признается *безусловно необходимымъ*, чтобы офицеръ, хотя до своего производства и ознакомленный уже болѣе или менѣе правильно и систематично съ предметами, входившими въ курсъ Елисаветградскаго офицерскаго училища, *предъ вступленіемъ* своимъ въ командованіе эскадрономъ *вновь* и *основательно повторилъ бы ихъ*,—то спрашивается, какова же была сила этой *необходимости* въ *ту пору*, когда генер. Оффенбергу приходилось не *повторять* съ офицерами то, что они, худо-ли, хорошо-ли, но все таки знали ранѣе, а *ознакомлять* ихъ съ тѣми элементарными знаніями, о которыхъ подавляющее большинство ихъ,—можно, не обинуясь, сказать,—не имѣло ни малѣйшаго представленія?!.

Ну, кто нынѣ повѣритъ, что до учрежденія офицерскаго училища мы, армейскіе офицеры, служили не только безъ понятій объ основныхъ началахъ военнаго искусства, но *смутно сознавая* силу, роль и назначеніе нашего собственнаго рода оружія, *толково не знали*—даже такихъ предметовъ, какъ напр., *выѣздка* и *ковка лошадей!?* А между тѣмъ это было, воистину, такъ. Вмѣсто правильной и раціональной выѣздки, имѣющей задачею не только сбереженіе, но и развитіе силъ лошади соотвѣтственно боевымъ требованіямъ кавалер. строя, о чемъ мы *впервые* услышали въ училищѣ отъ Ивана Петровича, у насъ подъ названіемъ выѣздки слыла та, практиковавшаяся тогда въ полкахъ лоша-

диная муштра, изображавшая изъ себя какую-то безобразную смѣсь пріемовъ старой испанско-нѣмецкой школы и циркового живодерства, послѣ которой изъ десятка лошадей, едва ли, оставались годными для боевой службы и три!..

Вмѣсто правильной, раціональной ковки принималось то ковочное искусство, которое можно еще видѣть и теперь процвѣтающимъ въ „кузняхъ“ цыганъ-ковалей, помѣщающихся въ Южной Россіи, по обыкновенію, у выходовъ изъ городовъ и селъ.

И до чего искусство ковки, имѣющее столь важное значеніе и въ общежитіи, а въ конницѣ уже особенно, находилось у насъ въ пренебреженіи, доказательствомъ служитъ тотъ, напр., любопытный фактъ, что, когда, при учрежденіи училища, для ознакомленія офицеровъ съ этимъ искусствомъ, потребовался преподаватель, т. е. ветеринарный врачъ, обладающій при томъ и *практическимъ* знаніемъ ковки, то такого нигдѣ на матушкѣ Руси,— ниже въ полкахъ кавалеріи, *на лицо не оказалось!*—такъ что его пришлось искать за границею, пока, наконецъ, въ Вѣнѣ не удалось такого пріискать (9)...

Вначалѣ, въ видѣ опыта, училище было учреждено на 4 года; при чемъ опыту и усмотрѣнію командира корпуса было предоставлено опредѣлить продолжительность времени, потребнаго для прохожденія офицерами установленнаго курса училища.—Нѣтъ сомнѣнія, что опытъ оправдалъ виды и надежды правительства и ге-

---

(9) Это былъ г. Гольцманъ, родомъ моравецъ, воспитанникъ Вѣнской ветеринарной школы, превосходный ветеринарный врачъ и такой же кузнецъ—практикъ. Гольцманъ принесъ нашей конницѣ громадную пользу и былъ, по справедливости, въ ней отцомъ правильной, раціональной ковки.

нерала Оффенберга, такъ какъ училище, учрежденное по его проекту, просуществовавъ въ Елисаветградѣ восемь лѣтъ, не прекратило въ дѣйствительности своего существованія и по перемѣщеніи его, въ 1866 году, въ Селищинскія казармы, Новгородской губерніи, хотя при этомъ, по слитіи училища съ Учебнымъ кавалерійскимъ эскадрономъ, оно и приняло названіе послѣдняго, которое носило до 1882 года, когда опять стало называться Офицерскою кавалерійскою школою.—Подтвердилъ, несомнѣнно, опытъ установленіе Иваномъ Петровичемъ и *двухъ-лѣтняго курса* въ училищѣ, который оставался *неизмѣннымъ* какъ въ немъ, такъ и по переименованіи его въ Учебный эскадронъ, вплоть до 1882 г., т. е. въ теченіи 24-хъ лѣтъ!!... Да, видно хорошо знали и хорошо понимали И. П. Оффенбергъ и его Начальникъ Штаба, Н. Ѳ. К—новъ, и то, что устанавливали и дѣлали, и то, куда стремились...

Также точно, вначалѣ въ видѣ опыта, въ Елисаветградское офицерское училище разрѣшено было принимать лишь офицеровъ 2-й, 4-й, 5-й и 6-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій и восьми кадровыхъ кирасирскихъ полковъ, по *одному* отъ полка, а всего—32 офицера. Но такъ какъ при открытіи училища желающихъ учиться въ немъ оказалось 107 человѣкъ, то, вслѣдствіе ходатайства Ивана Петровича, ВЫСОЧАЙШЕ *тогда же* разрѣшено было допустить къ слушанію курса *сверхъ штатнаго числа,* еще *столько же* (т. е. еще 32, а всего, значитъ, 64 офицера) съ предоставленіемъ *сверхштатнымъ* слушателямъ одинаковыхъ правъ и преимуществъ со штатными, за исключеніемъ денежныхъ (10).

---

(10) Т е., прогонныхъ денегъ на проѣздъ изъ полка въ училище и обратно и 100 руб. столовыхъ.

Дѣло не ограничилось однако и этимъ, и не позже, какъ въ 1860 году, послѣдовало уже распоряженіе объ отправленіи въ училище офицеровъ и отъ *остальныхъ* армейскихъ кавалерійскихъ дивизій, т. е: 3-й, 1-й, и 7-й, изъ коихъ послѣднія двѣ въ составъ корпуса не входили, да кромѣ того еще и офицеровъ конно-артиллерійскихъ бригадъ. Вслѣдствіе этого училище, учрежденное сначала лишь для офицеровъ частей, входившихъ въ составъ отдѣльнаго кавалерійскаго корпуса, а потому и носившее характеръ, какъ-бы *частнаго* учрежденія, получало теперь значеніе учебнаго заведенія, предназначеннаго служить обще-военнымъ и спеціально-образовательнымъ цѣлямъ для офицеровъ уже *всей* армейской нашей кавалеріи, чѣмъ, естественно, главному наблюдателю и руководителю училища, командиру Отдѣльнаго кавалерійскаго корпуса, давалась возможность вліять, если не прямо, то косвенно, на направленіе, характеръ и духъ образованія даже и *тѣхъ* частей кавалеріи, которые подъ непосредственнымъ начальствомъ его и не были.

Но, въ какомъ же однако направленіи и духѣ велись занятія въ училищѣ, руководительствовать которыми Иванъ Петровичъ не переставалъ со дня открытія послѣдняго до дня удаленія своего изъ Елисаветграда по случаю расформированія корпуса? Для объясненія этого полагаю ограничиться здѣсь хотя нѣкоторыми наиболѣе характерными мыслями и указаніями, которыя постоянно высказывались Иваномъ Петровичемъ—то въ видѣ категорическихъ требованій, то въ видѣ наставленій, даваемыхъ имъ какъ преподавателямъ, такъ и учащимся, и которыя, по свойственной ему привычкѣ, по большей части высказывались имъ въ отрывочно-*афористической* формѣ.

„Мы, русскіе,—говаривалъ Иванъ Петровичъ,—всегда твердо знали строевые уставы, но, къ сожалѣнію, слишкомъ долго думали, что кромѣ устава ничего уже болѣе не нужно знать, отъ чего и разучились—какъ понимать ихъ, такъ и умно пользоваться ими на войнѣ. А потому, если я ввелъ занятія *Уставами* въ училищѣ, то это не для того только, чтобы офицеры зубрили ихъ: это они съ успѣхомъ могли бы дѣлать и въ полкахъ,—а *для того*, чтобы объяснить имъ значеніе и цѣль уставовъ и какъ ими слѣдуетъ пользоваться на войнѣ и въ бою?!.. Понимаете меня?"—заканчивалъ, по обыкновенію, онъ свою рѣчь, обращаясь къ преподавателю.

При прохожденіи курса Тактики, требуя обстоятельнаго изложенія Тактики кавалеріи, онъ требовалъ, хотя и краткаго, но однако толковаго изложенія тактики и другихъ родовъ оружія. „Иначе, пояснялъ онъ,—какъ же конница, не зная ихъ свойствъ, можетъ *вмѣстѣ* съ ними или *противъ* нихъ сражаться?..."—„Въ конницѣ онъ видѣлъ, съ одной стороны,—страшный молотъ, способный сносить съ лица земли всякій родъ оружія, *какъ* и *чѣмъ* бы онъ вооруженъ не былъ; а съ другой стороны,—глаза, уши и руки арміи, безъ которыхъ она *полумертвецъ*".—„Дѣйствовать хорошая конница, по его мнѣнію, можетъ при *всякихъ* условіяхъ,—лишь бы начальники ея *то умѣли* и *хотѣли*."—Съ этой, и *только съ этой*, точки зрѣнія онъ и допускалъ чтеніе курса Тактики въ училищѣ, говоря ея преподавателю: „если вы *искренне* раздѣляете *такое* мое понятіе о конницѣ,—читайте ваши лекціи; если же нѣтъ, то лучше откажитесь, ибо магометанинъ также негодится для проповѣди въ лютеранской церквѣ, какъ лютеранинъ въ мечетѣ". ([11])

([11]) Все это, какъ и послѣдующее, передаю со словъ, слышанныхъ мною отъ самого того лица, къ которому онѣ были обращены, Генеральн. Штаба Капитана Новицкаго, здравствующаго, если не ошибаюсь, и до нынѣ.

„Когда вы будете читать офицерамъ о родахъ конницы, ея вооруженіи, снаряженіи, обмундированіи, обученіи и проч.—а это *очень нужно*—то вы, какъ молодой еще человѣкъ, потолкуйте прежде о томъ со мной: не стѣсняйтесь, приходите запросто!... А также совѣтую поговорить о томъ и съ начальникомъ штаба: отъ него вы также можете многое узнать и многому хорошему научиться. Ну затѣмъ—главное — постарайтесь какъ можно лучше объяснять, почему и какъ конница строится, располагается, двигается, и дѣйствуетъ на войнѣ, и какое на все это имѣетъ вліяніе мѣстность?—А то часто, какъ наши ученые, такъ и строевые офицеры, о томъ и знать не хотятъ: точно они какіе то *зефиры*, которые летаютъ по воздуху, а не ходятъ по землѣ?!...—Да еще, пожалуйста, очень прошу васъ,—*поменьше теоріи* и *правилъ*, но *побольше военно-историческихъ примѣровъ*, съ объясненіями ихъ *на планахъ*.—Этимъ вы не только все лучше объясните офицерамъ, но возбудите еще въ нихъ интересъ, охоту и... и *мысль, воображеніе!*..—Ну, какой можетъ быть кавалеристъ, а особенно—*партизанъ*, безъ *мысли, воображенія, фантазіи*?!—Фуй!... А кто-же можетъ вести *партизанскую* войну, кромѣ насъ, кавалеристовъ?!..“

Краткое ознакомленіе офицеровъ съ полевою фортификаціею Иванъ Петровичъ считалъ необходимымъ столько же въ видахъ обученія ихъ возведенію небольшихъ укрѣпленій при оборонѣ какого-либо пункта, занимаемаго спѣшенною конницею, сколько и для того, чтобы они при рекогносцировкахъ могли отдавать отчетъ: какія и на какомъ мѣстѣ устроены непріятелемъ укрѣпленія, и въ какой мѣрѣ могутъ быть ими затруднены подступы къ его позиціи?—Здѣсь, попутно, можно замѣтить, что хотя Иванъ Петровичъ и смотрѣлъ на

употребленіе конницы для дѣйствій *въ пѣшемъ* строю, какъ на случаи не только *незаурядные*, но даже *исключительные*, тѣмъ не менѣе, *ни возможности*, *ни пользы*, такого образа дѣйствій ея не отвергалъ,—„лишь бы онъ только былъ *умѣстенъ*;"—почему, не только стоялъ за *распредѣленіе* драгунскихъ полковъ по легко-кавалерійскимъ дивизіямъ, и очень радовался, когда это было сдѣлано, но считалъ въ *высшей мѣрѣ полезнымъ*, и даже *входилъ съ представленіемъ* о вооруженіи—если не всѣхъ, то, по крайности, хотя *задней шеренги* гусаръ и уланъ ружьемъ, но только ружьемъ—*отличнымъ*. За это горячо, между прочимъ, стоялъ и начальникъ штаба корпуса; при чемъ, какъ тотъ, такъ и другой, не видѣли ни малѣйшаго затрудненія въ обученіи гусаръ и уланъ дѣйствіямъ въ пѣшемъ строю,—конечно. въ мѣрѣ дѣйствительной для того надобности. Но, опережая такимъ образомъ своихъ современниковъ во взглядахъ на вооруженіе конницы, Иванъ Петровичъ готовъ былъ однако сдѣлаться злѣйшимъ врагомъ всякаго, кто только предложилъ бы ему уничтоженіе названій полковъ драгунами, гусарами и уланами и—не улучшенія (противу улучшеній онъ никогда не шелъ). а коренной перемѣны ихъ традиціоннаго обмундированія.— „Полкамъ кавалерійскимъ,—всегда горячо, бывало, при этомъ говаривалъ старикъ,—*нужны рѣзкія отличія* въ обмундированіи *для боя, для сбора* après une mêlée и для того, чтобы начальникъ и ординарцы его *лучше могли видѣть*, гдѣ какой полкъ находится!—а *красивые* мундиры для того, чтобы каждый офицеръ и солдатъ *любилъ* ихъ, *привязывался* къ нимъ.... Я дорожу и горжусь тѣмъ, что мои предки назывались Оффенберги и имѣли такой-то гербъ; и вы дорожите и гордитесь тѣмъ же, и онъ... и если бы мы этимъ не дорожили и не гордились, были бы дрянью;

дрянью были бы и тѣ офицеръ и солдатъ, которые не дорожили бы тѣми именами и мундирами, которые носили когда то ихъ полковые предки!..—Конница есть оружіе духа; а какой безъ традицій можетъ быть въ ней духъ? ..“

Умѣнья снимания плановъ мѣстностей и красиваго вычерчиванія ихъ отъ насъ, обучавшихся въ училищѣ, Иванъ Петровичъ не требовалъ, считая достаточнымъ, если мы съумѣемъ набросать на бумагѣ и незатѣйливые кроки: „вы—кавалерійскіе офицеры, а не офицеры генеральнаго штаба и, тѣмъ болѣе, не топографы!“ говорилъ онъ намъ. Но пониманія, *чтенія* карты онъ требовалъ настойчиво, поясняя свое требованіе тѣмъ, что карта, по его словамъ, тотъ же *проводникъ*, которымъ тогда только можно пользоваться, когда умѣемъ его понимать и съ нимъ говорить.“

Въ *манежной* ѣздѣ Иванъ Петровичъ видѣлъ—не цѣль, а *средство, школу*, безъ которыхъ офицеръ не могъ—ни научиться лихо и безстрашно ѣздить, ни понять тайнъ выѣздки лошади, ни узнать, наконецъ, какъ учить ѣздѣ солдата!—Вотъ почему, заводя и офицерскія скачки, разрѣшая офицерамъ въ свободные часы брать казенныхъ лошадей для ѣзды и за городомъ, и въ городѣ, и даже очень любя и поощряя это, онъ никогда не переставалъ сильно, какъ говорится, *налегать* на *манежную* ѣзду, часто повторяя при этомъ; „безъ начальныхъ экзерцисъ ни одинъ музыкантъ до концертныхъ пьесъ никогда еще не доходилъ...“

На *выѣздку*, которую мы изучали и теоретически, въ классахъ, и практически, въ манежѣ и полѣ, по отношенію ея къ лошади, Иванъ Петровичъ смотрѣлъ также, какъ на гимнастику по отношенію къ человѣку.—

„Послѣдняя служитъ также къ развитію и укрѣпленію силъ человѣка, какъ первая служитъ къ *развитію* и *укрѣпленію* силъ лошади.“ Но какъ гимнастика, для достиженія своихъ цѣлей, должна быть ведена на *основаніи знанія физическихъ свойствъ* человѣка и его нѣкоторыхъ *индивидуальныхъ особенностей*, такъ точно и выѣздка, которой обучалъ насъ въ училищѣ Иванъ Петровичъ, должна была основываться какъ на *знаніи природы лошади* вообще, такъ и на *знакомствѣ* съ *тою*, которая каждому изъ насъ, для выѣздки, давалась. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы, впрочемъ, побольше ознакомиться со взглядами и указаніями Ивана Петровича на этотъ предметъ, правильная установка котораго въ нашей конницѣ, безспорно, принадлежитъ ему, мы укажемъ на приказъ его по корпусу, отъ 20 Мая 1862 г. № 51, или, что, по сущности, все равно, на „*Наставленіе для выѣздки ремонтной лошади*,“ изд. 1870 г., составитель котораго и самъ говорилъ намъ когда-то, что „наставленіе“ ([2]) это есть *ничто другое, какъ сводка мыслей, указаній и совѣтовъ Генер. бар. Оффенберга.*

Не стану болѣе приводить мыслей и указаній его по поводу преподаванія того или другаго предмета въ училищѣ, полагая, что и приведенныхъ достаточно, чтобы указать тотъ *духъ*, въ которомъ онъ направлялъ это преподаваніе. Но не могу не упомянуть здѣсь еще о тѣхъ правильно-дисциплинарныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довѣрчиво-искренныхъ отношеніяхъ, которыя Иванъ Петровичъ съумѣлъ установить между начальственно-пре-

---

([2]) Такъ оно въ дѣйствительности и есть, судя по основному сходству „Наставленія“ съ приказомъ по корпусу 1862 г. № 51, привести который въ подлинникѣ мы считаемъ по этому излишнимъ, тѣмъ болѣе, что тому препятствуетъ и самый объемъ приказа, заключающаго въ себѣ 10 страницъ.

подавательскимъ и подчиненно-обучающимся персоналомъ училища, а также о томъ рвеніи къ своему дѣлу, какое онъ умѣлъ сообщить и тѣмъ, и другимъ. Пишущій эти строки видѣлъ самолично какъ трудятся въ университетахъ, академіяхъ... Но, чтобы и учащіе и учащіеся такъ трудились и физически, и умственно, какъ это было въ Елисаветградскомъ училищѣ, онъ, смѣетъ завѣрить, что не видѣлъ нигдѣ!.. Да неулыбнется кто-либо при словахъ: умственно трудились. А тому, кто улыбнется, я замѣчу только, что въ числѣ лицъ, являвшихся въ это училищѣ, очень, и даже очень не мало насчитывалось такихъ, которымъ не только *впервые* приходилось приниматься за изученіе всего того, что входило въ курсъ училища, но и за ученіе-то вообще, да еще при томъ въ возрастѣ, не рѣдко далеко переходившемъ за 30 лѣтъ!—А отъ такихъ лицъ, для изученія и того, повидимому, немногаго, что входило въ училищный курсъ, требовалось не только много воли, но и большаго умственнаго труда, а особенно для достиженія такихъ результатовъ, какихъ достигали они, какъ бы, въ оправданіе поговорки, что „учиться не поздно никогда"....

Не имѣя подъ рукою данныхъ, не могу съ точностью сказать: сколько именно офицеровъ прошло чрезъ курсы училища за время существованія его въ Елисаветградѣ, съ 1858 по 1866 г., тоесть, въ теченіи восьми лѣтъ? Но, полагаю, что не впаду въ большую ошибку, если общее число ихъ за это время опредѣлю въ 240 слишкомъ человѣкъ, что, по отношенію къ общему числу оберъ-офицеровъ 7-ми кавалерійскихъ дивизій составитъ около 30%. Цифра весьма и весьма почтенная, чтобы возможно было допустить хотя тѣнь сомнѣнія, что Елисаветградское офицерское училище, это дѣтище Ивана Петровича, имъ созданное и имъ въ первые годы

своего существованія и направляемое и оживотворяемое, могло остаться безъ извѣстнаго и, во всякомъ случаѣ, благотворнаго воздѣйствія на нашу армейскую конницу. Да и могло ли быть иначе, когда громадное большинство офицеровъ, учениковъ его, не только впослѣдствіи командовали эскадронами, но очень многіе изъ нихъ достигли, затѣмъ, званій и командировъ полковъ, и начальниковъ высшихъ частей; когда именно изъ *нихъ же*, впослѣдствіи, выбраны были начальники вновь учрежденныхъ Юнкерскихъ училищъ, которыя они и устраивали и въ главѣ которыхъ оставались не малое время?!.. А одинъ изъ нихъ, недавно умершій въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Конст. Львов. Штейнъ, около 13-ти лѣтъ стоялъ, съ великою пользою и честью, даже во главѣ учебнаго кавалерійскаго эскадрона, вплоть до преобразованія и переименованія послѣдняго, въ 1882 г., въ офицерскую кавалерійскую школу, чему онъ усерднѣйше содѣйствовалъ и чему, какъ то извѣсто пишущему изъ письма къ нему покойнаго Константина Львовича, онъ горячо радовался, видя въ этихъ преобразованіи и переименованіи, какъ бы, возрожденіе хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ *Оффенберговскихъ* завѣтовъ и преданій, которымъ онъ оставался вѣрнымъ до конца своей трудовой и честной дѣятельности.

Само собою разумѣется, что образовательная дѣятельность училища не осталась безъ нареканій и критики, на что, какъ извѣстно, мы русскіе, вообще—куда какъ горазды!—Не скажу, чтобы въ этихъ нападкахъ небыло кой-чего и вѣрнаго, а особенно, по отношенію къ послѣднимъ тремъ годамъ существованія училища въ Елисаветградѣ, когда оно, по удаленіи Ивана Петровича, осталось какъ корабль „безъ руля и безъ вѣтрилъ“.... Ну, да въ какомъ же образовательномъ заведеніи, а особенно

новомъ, да еще такомъ *своеобразномъ* и *впервые* возникавшемъ, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи,—какимъ было это училище, можетъ не оказаться нѣкоторыхъ недочетовъ и недостатковъ, особенно на первыхъ порахъ его учрежденія? Тутъ важность не въ этихъ недочетахъ и недостаткахъ, относящихся къ деталямъ устройства заведенія вообще, пополненіе и исправленіе которыхъ принадлежитъ опыту и времени, а въ *основной мысли*, послужившей къ учрежденію заведенія, въ *правильности цѣлей*, поставленныхъ ему, въ главныхъ чертахъ установки и *направленія* его. А что и то, и другое, и третье были вѣрны, доказательствомъ тому служитъ то, что училище, созданное Генер. Оффенбергомъ,—хотя и подъ другими названіями,—пережило его, какъ конечно переживетъ и насъ съ тобою, мой читатель...

Учрежденіемъ Елисаветградскаго училища не ограничивались однако еще заботы Ивана Петровича о созданіи корпуса кавалерійскихъ офицеровъ, который соотвѣтствовалъ бы вновь народившимся требованіямъ кавалерійскаго дѣла. Что кавалерійскій офицеръ не только долженъ обладать достаточно ясными общевоенными и вполнѣ основательными свѣдѣніями, относящимися до его спеціальности, но быть и вообще человѣкомъ образованнымъ,—это было, по мнѣнію его, внѣ спора. Но также внѣ спора, по его мнѣнію, стояла и необходимость развитія въ кавалерійскомъ офицерѣ, какъ въ ближайшемъ наставникѣ солдата, *любви къ лошади*, къ *выѣздкѣ* и *выдержкѣ* ея, и не къ одной манежной, но къ *лихой* и *бѣшеной верховой ѣздѣ*. И вотъ, въ этихъ видахъ, Иванъ Петровичъ ходатайствуетъ о небываломъ еще у насъ дѣлѣ: о устройствѣ ежегодныхъ *призовыхъ состязаній* между офицерами *въ скачкахъ* на собственныхъ, конечно, лошадяхъ и въ *выѣздкѣ таковыхъ*, на что и незамедли-

ло послѣдовать ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденіе. На сколько устройство этихъ состязаній соотвѣтствовало потребностямъ и вкусамъ, которые съумѣлъ уже Иванъ Петровичъ всего за *два* года своего командованія возбудить въ офицерахъ своего корпуса, подводимаго имъ къ „одному знаменателю,“ можно судить потому, что на состязанія эти, впервые бывшіе, въ Апрѣлѣ и Маѣ мѣсяцахъ 1858 года въ г.г. Елисаветградѣ и Чугуевѣ, явились: въ первый—44, а въ послѣдній 35 офицеровъ,—числа, которыя, до расформированія корпуса, не уменьшались, а увеличивались съ каждымъ послѣдующимъ годомъ.—„Столь значительное число офицеровъ, принявшихъ участіе въ состязаніяхъ, съ *перваго же* года учрежденія ихъ,—говорилъ Иванъ Петровичъ ([13]) по поводу сего, и говорилъ, замѣтимъ, вполнѣ резонно,—доказываетъ, что они вполнѣ оцѣнили благую цѣль правительства, поняли свое призваніе и преимущество кавалер. офицера предъ офицерами другихъ родовъ оружій, возлагающее на него обязанность постоянно находиться впереди фронта и первымъ врѣзываться въ ряды непріятеля, для чего необходимъ офицеру конь сильный, прыткій, послушный и умѣнье вполнѣ владѣть имъ.“

Но такъ какъ *обзаведеніе* именно *такими* конями становилось уже и въ тѣ времена дѣломъ очень не легкимъ—не по недостатку въ хорошихъ верховыхъ лошадяхъ, котораго тогда еще не ощущалось, а по замѣтному уже и тогда уменьшенію въ полкахъ числа офицеровъ, обладавшихъ достаточными имущественными средствами, то Иванъ Петровичъ, не любя чего либо требо-

---

([13]) Приказъ по Отд. рез. Кавалер. Корпусу, отъ 12 Мая 1858 г., за № 62.

вать, не подумавъ о способахъ исполненія требуемаго, принялъ и въ настоящемъ случаѣ зависѣвшія отъ него мѣры, заключавшіяся: во первыхъ,—въ томъ, что онъ собственною властію, привелъ къ точному исполненію законъ о *уступкѣ офицерамъ строевыхъ лошадей*, существовавшій съ 1840-хъ годовъ, но который, по прежнимъ взглядамъ и порядкамъ, командирами полковъ либо вовсе игнорировался, либо сводился къ одной, и даже зловредной, формальности, въ результатѣ которой офицеръ могъ получить, хотя и по дешевой цѣнѣ, но не лучшую или хорошую, а плохенькую или даже просто бракованную лошадь; во вторыхъ—въ томъ, что, по его просьбамъ, офицерамъ *неоднократно* были уступаемы по весьма сходнымъ цѣнамъ прекрасныя лошади изъ разсадниковъ государственнаго коннозаводства,—и, въ третьихъ,—въ исходатайствованіи *всѣмъ* офицерамъ *отпуска фуражныхъ денегъ*, которыя до того отпускались только очень небольшому числу офицеровъ въ каждомъ полку, а не давались каждому офицеру имѣющему лошадь, какъ это установлено было съ той поры и существуетъ по нынѣ. При чемъ, въ случаѣ неимѣнія офицеромъ лошади, если отпускъ этихъ денегъ лично ему и прекращался, до обзаведенія имъ другою, то не переставалъ идти въ полкъ, на усиленіе, такъ называемаго, и тогда-же заведеннаго, *офицерскаго ремонтнаго капитала*,—источника, изъ котораго, въ случаѣ нужды, офицеръ могъ всегда позаимствовать деньги, нужныя ему для пріобрѣтенія лошади, платя за то 6% годовыхъ, пріобщавшихся къ тому же капиталу, изъ котораго, кромѣ того, Начальникамъ дивизій, при извѣстныхъ условіяхъ нароста его, предоставлялось право дѣлать достойнымъ и небогатымъ офицерамъ, имѣвшимъ несчастіе потерять лошадь, и *безвозмездныя* выдачи.

Заканчивая на этомъ мои воспоминанія о дѣятельности Генерала Оффенберга, направленной къ подъему умственнаго уровня корпуса кавалерійскихъ офицеровъ и къ развитію въ немъ любви къ своему дѣлу и оружію, не могу не вспомнить еще одного его распоряженія, доказывающаго какъ онъ и его начальникъ штаба правильно глядѣли на боевую подготовку офицеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на задачи конницы. Говорю о распоряженіи Ивана Петровича относительно *упражненія офицеровъ въ небываломъ* и *неслыханномъ до него дѣлѣ*, а именно: въ *военно-глазомѣрныхъ съемкахъ* и *военныхъ обозрѣніяхъ*, которыя должны были производиться подъ руководствомъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и подъ наблюденіемъ начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ, и свѣдѣнія о которыхъ не только должны были, вмѣстѣ съ полевыми работами офицеровъ, быть представляемы въ штабъ корпуса, но самимъ Иваномъ Петровичемъ съ своимъ начальникомъ штаба еще и престрого повѣрялись ([14]).

Какъ уже было выше замѣчено, вопросъ о *комплектованіи* корпуса офицеровъ *болѣе подготовленнымъ къ службѣ* элементомъ, чѣмъ тотъ, который служилъ для того, сильно занималъ Ивана Петровича; но такъ какъ рѣшеніе этого вопроса, по многимъ независящимъ, конечно, отъ него причинамъ, все замедлялось и было, какъ извѣстно, приведено къ окончанію лишь въ 1868 г., (т. е. года, этакъ, за два до его кончины, когда уже онъ проживалъ въ Митавѣ, вдали отъ дѣлъ, что не мѣшало однако ему и тогда горячо тому порадоваться)— то, чтобы не терять золотаго времени и, хотя чѣмъ либо и какъ либо, пособить горю, онъ въ 1857 году, далъ

([14]) Приказы по корпусу: 1858 г., № 58 и 1859 г. № 32.

уже циркулярное предписаніе, которымъ: командирамъ полковъ и эскадроновъ *вмѣнялось въ обязанность обратить особое вниманіе* на *обученіе, службу, занятія* и *поведеніе* юнкеровъ, а экзаменнымъ коммисіямъ на *строгость испытанія* послѣднихъ.—А такъ какъ приказаніями своими Иванъ Петровичъ вообще шутить не любилъ, то лишь только получалось донесеніе, что двое юнкеровъ одного изъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи, выслужившіе сроки, *не могутъ быть удостоены* представленію къ производству *по недостаточному знанію уставовъ* и *слабости верховой ѣзды,* какъ онъ тотчасъ разряжается громовымъ приказомъ, въ которомъ, освобождая отъ отвѣтственности командира этого полка, лишь *по недавности* вступленія его въ должность, предписываетъ Начальнику дивизіи наложить *строгое взысканіе* на командировъ эскадроновъ, гдѣ находились эти юнкера; а затѣмъ, подтверждая вновь командирамъ полковъ, чтобы они обратили *особое вниманіе* на образованіе юнкеровъ, предписываетъ: „тѣхъ изъ нихъ, кто не успѣваетъ по службѣ по неспособности, представлять къ переводу въ другіе роды войскъ, а кто по нерадивости—къ удаленію изъ службы вовсе“ ([15]).

Что и говорить!—Такія мѣры, конечно, не могли излечивать зла въ его корнѣ, какъ то прекрасно понималъ и самъ Иванъ Петровичъ; но, не менѣе того, онѣ заставляли командировъ полковъ, эскадроновъ да и самихъ юнкеровъ потрудиться и поразмыслить надъ тѣмъ, о чемъ до тѣхъ поръ никто изъ нихъ не считалъ нужнымъ даже и подумать, что все-же таки было шагомъ впередъ....

([15]) Приказъ по корпусу, отъ 12-го Іюля 1858 г. № 85.

При такихъ серьезныхъ и дальновидныхъ заботахъ о созданіи свѣдущаго персонала командировъ и учителей солдата въ лицѣ офицеровъ, не могъ, конечно, ускользнуть отъ вниманія такого рѣдкаго знатока быта нашей конницы, какимъ былъ Иванъ Петровичъ, и *унтеръ-офицерскій* вопросъ. Вѣдь и унтеръ-офицеръ, какъ извѣстно, составляетъ далеко не послѣднюю спицу въ колесницѣ для образованія солдата. И по положенію, и по происхожденію, и по образу понятій и *нравовъ*, унтеръ-офицеръ стоитъ вдесятеро ближе къ солдату, чѣмъ офицеръ, почему и вліяніе его на солдата, а особенно въ качествѣ ближайшаго наставника и блюстителя, не можетъ не быть вообще очень велико. А въ ту пору, о которой рѣчь идетъ,—можно прямо сказать,—оно было просто громаднымъ. Субалтернъ-офицерство тогда не только не принимало никакого участія въ обученіи солдата, но никогда почти и *не жило* въ эскадронахъ, метеорами лишь появляясь предъ фронтомъ, на общихъ ученьяхъ или смотрахъ. Да и сами-то командиры эскадроновъ, по большей части, были скорѣе *господами*, чѣмъ командирами своихъ эскадроновъ: они *сколачивали* ихъ по веснѣ, т е. производили имъ эскадронныя ученья, командовали ими въ строю полковъ, да приглядывали еще отчасти за операціями пріобрѣтенія фуража, составлявшаго для многихъ изъ нихъ предметъ личнаго интереса; что-же касается до *одиночнаго образованія* и *воспитанія* всадника, до наблюденія и даже попеченія о немъ, его бытѣ, а также—до выѣздки и содержанія лошадей, то все это и почти всецѣло возлагалось ими на заботу и отвѣтственность эскадронныхъ и взводныхъ вахмистровъ и вообще унтеръ-офицеровъ, которымъ, такимъ образомъ, въ дѣйствительности, также принадле-

жала главнѣйшая роль въ обученіи и воспитаніи нашего солдата, какъ и въ выѣздкѣ строевой лошади.

Но, каковъ же былъ въ умственно-нравственномъ отношеніи *составъ* нашихъ тогдашнихъ унтеръ-офицеровъ, этихъ *столповъ*, на которыхъ до Восточной войны держались въ нашей конницѣ предметы такой первостепенной важности, какъ обученіе и воспитаніе людей, выѣздка и содержаніе лошадей?—Судя по долгосрочности службы того времени, казалось бы, что составъ этотъ долженъ былъ бы представлять изъ себя нѣчто идеальное, какъ многіе нынѣшніе кавалеристы и любятъ рисовать его въ своемъ воображеніи, полагаясь на сантиментальные разсказы о прошломъ. Да, пожалуй, онъ и могъ, и долженъ былъ бы быть такимъ, если бы выгоды, представляемыя въ этомъ отношеніи долгосрочною службою, жестоко не парализовались, съ одной стороны—безучастностью офицеровъ въ дѣлѣ солдатскаго образованія, а съ другой—общими, въ основѣ своей фальшивыми служебными требованіями, по которымъ все самоважнѣйшее и существенное отодвигалось на заднiй планъ, уступая первое мѣсто всему парадно-смотровому. А прямымъ послѣдствіемъ воздѣйствія этихъ двухъ факторовъ было то, что унтеръ-офицерскій составъ того времени, не только не изображалъ изъ себя идилліи, воображаемой нынѣ многими, но, въ дѣйствительности, стоялъ очень, и очень не высоко какъ въ *умственномъ*, такъ и *въ нравственномъ* отношеніяхъ. Весь баластъ свѣдѣній его заключался, по обыкновенію, въ одномъ лишь смутномъ, неосмысленномъ знаніи кой-какихъ служебно-дисциплинарныхъ пунктиковъ да разныхъ мелочныхъ хозяйственно-строевыхъ порядковъ, пріемовъ и ухватокъ, рутинно и пріемственно заимствованныхъ ими отъ своихъ предшественниковъ, и—только. А что до

нравственной его стороны, то о ней можно судить по свидѣтельству стараго кавалериста, справедливо говорящему, что: „званіе унтеръ-офицера, столь важное въ военной іерархіи, давалось, по произволу, людямъ по преимуществу *красивой наружности, но часто безнравственнымъ*, почему награда эта была въ глазахъ солдата унижена, и ею они не только *не дорожили*, но *часто* встрѣчались случаи, что *хорошій* рядовой просилъ, какъ милости быть избавленнымъ отъ производства.“ (16)

Нѣтъ, съ такимъ унтеръ-офицерскимъ составомъ, хотя, правда, и обольщавшимъ своимъ красиво-воинственнымъ видомъ, своею юркостью, а часто и умѣньемъ понравиться начальству, но, въ огромномъ своемъ большинствѣ, чуждымъ истинно-воинскихъ понятій о служебныхъ долгѣ и обязанности, воспитаннымъ *на предпочтеніи* парадныхъ требованій требованіямъ боевымъ, да къ тому-же еще вообще наклонномъ къ жестокому обращенію съ солдатомъ и ко многимъ другимъ порокамъ, кончая скрытнымъ пьянствомъ,—съ такимъ унтеръ-офицерскимъ составомъ, повторяю, впередъ идти было нельзя,—по крайности по тому пути, по которому генералъ баронъ Оффенбергъ съ своимъ начальникомъ штаба хотѣли вести нашу конницу. Это прекрасно понималъ Иванъ Петровичъ, неспособный вообще поддаваться ни какимъ обольщеніямъ—ни громкихъ фразъ, ни лицевой стороны товара; а потому, конфиденціальнымъ циркуляромъ своимъ, въ началѣ 1857 г., онъ первымъ же дѣломъ предписываетъ: обратить самое тщательное вниманіе *на выборъ* людей, предназначаемыхъ

---

(16) Замѣтки о современномъ состояніи нашей кавалеріи, М. Золотарева. „Воен. Сборн.“ 1859 г.

къ унтеръ-офицерскому званію, отнюдь не упуская при этомъ изъ виду ихъ *нравственно-умственныхъ качествъ*; а приказомъ, отъ 9 Декабря того же года, № 150-мъ, дѣлаетъ уже распоряженіе и *о учрежденіи* въ *каждомъ* эскадронѣ *унтеръ-офицерскихъ школъ*, подъ вѣдѣніемъ особо опытныхъ офицеровъ; при чемъ, школамъ этимъ даетъ программу занятій, мало чѣмъ отличающуюся отъ программъ нынѣшнихъ полковыхъ учебныхъ командъ, учрежденіе которыхъ Иванъ Петровичъ опередилъ такимъ образомъ почти на 10 лѣтъ!—Наблюденіе надъ школами этими и отвѣтственность за успѣшность занятій въ нихъ возлагалось на командировъ эскадроновъ и полковъ. Командиры полковъ, кромѣ того, обязаны еще были въ присутствіи своемъ и К—ровъ эскадроновъ, производить въ школахъ *ежегодныя испытанія*, а начальники дивизій и ихъ помощники, при всѣхъ инспекторскихъ смотрахъ, школы эти тщательно провѣрять.

Разсмотрѣвъ важнѣйшія мѣры, принятыя генераломъ барономъ Оффенбергомъ въ видахъ разработки и поднятія умственно-нравственнаго уровня какъ офицерскаго, такъ и унтеръ-офицерскаго персонала въ войскахъ ввѣреннаго ему корпуса, перехожу теперь къ перечисленію тѣхъ, которыя были принимаемы имъ по отношенію къ *строевому его образованію*, съ цѣлію,—какъ онъ выразился въ приказѣ по корпусу отъ 31 Августа 1857 г.—№ 109,—„создать конницу обученную, стройную, быструю, составленную изъ всадниковъ—лихихъ, ловко умѣющихъ владѣть конемъ и оружіемъ, и изъ лошадей быстрыхъ, смѣлыхъ, поворотливыхъ, втянутыхъ въ труды, а не вялыхъ, теряющихъ при трудахъ

и силы, и видъ, и тучность, пріобрѣтаемую кормленіемъ на мѣстѣ".

Установку *правильныхъ началъ одиночнаго* образованія и образованія *цѣлыхъ* частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и установку *правильнаго распредѣленія* времени занятій,— другими словами: составленіе *инструкціи* для веденія занятій въ кавалеріи, равно *обязательной* для *всѣхъ* ея частей, Иванъ Петровичъ признавалъ дѣломъ первостепенной важности, столько-же необходимымъ для „*подведенія* нашей конницы „къ *одному знаменателю*" сколько и для *усовершенствованія ея.* Но такъ какъ выработку подобнаго рода инструкціи представлялось болѣе благонадежнымъ и основательнымъ поручить *совмѣстному* труду *нѣсколькихъ* особо-компетентныхъ лицъ, чѣмъ самонадѣянно брать на себя, то Иванъ Петровичъ, вообще не любившій считать себя непогрѣшимымъ, началъ съ того, что вошелъ по поводу этого вопроса съ представленіемъ къ военному министру. Къ такому представленію побуждало, впрочемъ, его еще и другое соображеніе: желаніе, чтобы выработанная такимъ путемъ инструкція была формально объявлена *обязательною,* для *всей* русской кавалеріи, чего онъ самъ, понятно, сдѣлать не могъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ частямъ кавалеріи, въ составъ корпуса его не входившимъ. Но, какъ выше уже было замѣчено, время, наступившее послѣ Восточной войны, а особенно первыя пять, шесть лѣтъ, слѣдовавшихъ за ней, было для кавалеріи вообще не благопріятное. Въ силу все болѣе и болѣе крѣпчавшихъ мнѣній о *малополезности* конницы въ нынѣшнихъ войнахъ и бояхъ, министерство наше было тогда болѣе занято вопросами *о сокращеніи* ея численности, чѣмъ о ея усовершенствованіи, почему и это представленіе командира отдѣл. кавалер. корпуса, какъ и многія дру-

гія, попало, какъ говорится, въ долгій ящикъ. Волей—неволей, а при такихъ обстоятельствахъ, за установку правильныхъ началъ образованія и правильнаго распредѣленія времени занятій, по крайности, въ частяхъ своего корпуса, Ивану Петровичу приходилось приниматься самому, что онъ и сдѣлалъ.

„Инструкціи для веденія занятій въ кавалеріи“ въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась наконецъ—не могу съ точностью сказать въ какомъ именно изъ восьмидесятыхъ уже годовъ?—т. е., почти 30 лѣтъ спустя, Иванъ Петровичъ, правда, не составилъ, или правильнѣе,—не успѣлъ составить, дѣйствуя тутъ, какъ и во всемъ, хотя съ настойчивостью и твердостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ осмотрительностью человѣка, по опыту знающаго, какъ легко можно много наговорить и написать, не подвинувъ однако тѣмъ дѣла ни на одну іоту впередъ. Но, не менѣе того, какъ въ приказахъ его по корпусу, такъ равно въ предписаніяхъ, наставленіяхъ, а также въ приказаніяхъ и сообщеніяхъ его начальника штаба, можно найти *все*, что составляетъ содержаніе и нашей новѣйшей „инструкціи“, во взглядахъ и мысляхъ которой встрѣчается даже очень много сходнаго со взглядами и мыслями генер. бар. Оффенберга, хотя, какъ меня удостовѣряли, при составленіи этой „инструкціи“ не было даже и помину о немъ: до того, видно, память объ этомъ высоко-почтенномъ дѣятелѣ исчезла въ средѣ даже образованнѣйшихъ изъ нашихъ кавалеристовъ!.. Но, такъ какъ чтеніе всѣхъ приказовъ, предписаній, наставленій и проч., издававшихся Ив. Петровичемъ съ цѣлію правильной установки занятій въ войскахъ корпуса, могло бы, пожалуй, оказаться слишкомъ обременительнымъ для читателя да, къ тому же, чрезмѣрно увеличило-бы и объемъ этой брошюры,

то, во избѣжаніе того и другаго, ограничусь здѣсь лишь извлеченіями изъ нихъ, хотя и такими, которыя, давая возможность нынѣшнему кавалеристу составить себѣ ясное понятіе о томъ, *какія начала* и *какой порядокъ* веденія занятій въ кавалеріи считались бар. Оффенбергомъ *правильными*, въ тоже время представили бы ему возможность дѣлать и сравненія того, что дѣлалось въ нашей конницѣ 30 лѣтъ тому назадъ, съ тѣмъ, что дѣлается для образованія ея нынѣ.

Всѣ занятія частей кавалеріи, входившихъ въ составъ отд. рез. кавалер. корпуса, были раздѣляемы Ив. Петровичемъ въ теченіи года на *три* періода: *зимній*, *весенній* и *лѣтній*.—Главнѣйшею цѣлію занятій *зимняго* періода было—*одиночное* образованіе, которое имъ считалось *фундаментомъ* всего кавалерійскаго обученія, да еще *такимъ*, безъ упроченія котораго всѣ прочіе отдѣлы образованія конницы не имѣли-бы по мнѣнію Ив Петровича, никакой цѣны и превращалось-бы лишь „въ пустую трату времени“. Періодъ *весенній* предназначался—*обученію эскадроновъ и полковъ*, а *лѣтній*—*обученію дивизій* и даже большихъ частей въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это бывало. подъ Елисаветградомъ, иногда собиралось по 8-ми и даже болѣе полковъ, а особенно ко времени Царскихъ смотровъ.

Предметами *зимнихъ* занятій были: 1) верховая ѣзда; 2) Употребленіе холоднаго и огнестрѣльнаго оружія пѣшкомъ и на конѣ; 3) фехтованіе; 4) волтижированіе и гимнастика и 5) пѣшій строй.

Для обученія въ эскадронахъ людей по *каждому* изъ этихъ предметовъ, производимаго, разумѣется, подъ общимъ наблюденіемъ и непосредственнымъ руковод-

ствомъ командировъ эскадроновъ, назначался *особый* офицеръ. Въ случаѣ недостатка офицеровъ дозволялось поручать одному офицеру обученіе и нѣсколькимъ предметамъ. При смотрахъ каждый обучающій офицеръ *обязательно* долженъ былъ *представлять* порученную ему команду, сдавая такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣмъ экзаменъ и въ своихъ собственныхъ познаніяхъ, умѣньи и усердіи. Надобно-ли тутъ пояснять все важное значеніе этой мѣры и въ учебномъ, и нравственномъ, и дисциплинарномъ отношеніяхъ послѣ того, что выше было говорено о *безучастіи* офицеровъ въ дѣлѣ образованія солдата и даже о постоянномъ *абсентеизмѣ* ихъ изъ эскадроновъ, что войдя, какъ-бы, въ норму существовавшихъ порядковъ, приводило къ тому, что капитальное дѣло одиночнаго образованія, воспитанія солдата и даже блюстительства надъ нимъ цѣлые десятки лѣтъ находилось всецѣло въ ун.-офицерскихъ рукахъ?!..

Но пойдемъ далѣе; посмотримъ, какъ указывалось вести обученіе по выше перечисленнымъ предметамъ?

Верховая ѣзда должна была производиться „*непремѣнно каждый день*“. Отступленіе отъ этого разрѣшалось лишь въ сильную стужу, да и то по отношенію къ ѣздѣ *въ полѣ*, но отнюдь не въ *крытыхъ манежахъ*, гдѣ таковые въ частяхъ имѣлись. Занятія ѣздою приказано было вести въ эскадронахъ такъ: по очередно, одному полу-эскадрону ѣздить (смѣнами) *въ манежѣ* (открытомъ или закрытомъ, все-равно, какой имѣется), а другому производить такую же ѣзду *въ полѣ*. При чемъ, наблюдая за крѣпостью посадки и правильностью управленія лошадью, предписывалось обратить особое вниманіе на упражненіе людей въ рубкѣ саблями и уко-

лахъ пиками ([17])—„*непремѣнно* противу *видимыхъ* предметовъ“, чему, какъ говорится въ одномъ изъ приказовъ, „ѣздокъ долженъ быть обученъ такъ, чтобы управленіе лошадью и употребленіе оружія у него обращалось въ одно механическое дѣйствіе“. Вначалѣ зимы, первые мѣсяца два, указывалось ѣздить на уздечкахъ, а затѣмъ уже на мундштукахъ, замѣняя ихъ лишь по временамъ первыми. А для того, чтобы лошади *больше втягивались* въ работу, а эскадроны *не разучивались* тому, чему учились лѣтомъ, да, при томъ, *всегда сохраняли бы* еще и *готовность* къ немедленному выступленію въ походъ, установлены были *еженедѣльныя* проѣздки, дѣлая которыя, эскадронные командиры должны были производить и *эскадронныя ученья*.

Обученіе *употребленію холоднаго оружія пѣшкомъ* полагалось производить разъ въ недѣлю, а огнестрѣльнаго—разъ у уланъ и гусаръ, а у драгунъ—два раза.

Фехтованію всѣ,—по два раза въ недѣлю.

Какъ *фехтованію*, такъ и употребленію *холоднаго* оружія, придавалось такимъ образомъ Ив. Петровичемъ вообще очень большое значеніе въ дѣлѣ одиночнаго образованія кавалериста, почему онъ всегда настойчиво и привлекалъ вниманіе на эти предметы обучающихъ, требуя, чтобы они учили людей рубить и колоть „не только *ловко*, *мѣтко*, но и, какъ можно, *сильнѣй*.“—„Будетъ,—наставлялъ онъ насъ,—кавалеристъ *умѣть*

([17]) Какъ къ *пикѣ* у уланъ и гусаръ, такъ и къ *штыку* у драгунъ, Иванъ Петровичъ относился вообще не одобрительно и признавалъ ихъ *подлежащими упраздненію*: „Сабля—говаривалъ онъ,—царица холоднаго оружія и, разъ она у кавалериста есть,—пика и штыкъ для него *одна обуза*, *тѣмъ болѣе вредная*, что ею *подрывается* въ нѣкоторой степени его вѣра въ саблю.“

лихо ѣздить и *владѣть своимъ оружіемъ*,—будетъ, повѣрьте, *умѣть* исполнять и аванъ-постную службу, и ординарческую и даже дѣлать une pétite réconnaissance!.. *Лихая ѣзда* и *владѣніе оружіемъ* даютъ кавалеристу *самоувѣренность, духъ!* а безъ нихъ что онъ можетъ сдѣлать?—Ничего!.," Но, въ противуположность этому, Иванъ Петровичъ ни вочто ставилъ *стрѣльбу съ коня*, которую не исключилъ изъ занятій лишь потому, что обученіе ей полагалось уставомъ.

Не меньшее значеніе придавалось имъ тоже *гимнастикѣ* и *волтижированію*, которыя, не раздѣляя другъ отъ друга, онъ не раздѣлялъ и отъ верховой ѣзды, часто говоря: „все это—одна и таже гимнастика, которая должна составлять и начало и конецъ физическаго образованія кавалериста". — А такъ какъ послѣ войны занятія гимнастикою, хотя и были офиціально введены въ войска кавалеріи, а учителей ее въ частяхъ не имѣлось вовсе, то, съ учрежденіемъ офицерскаго училища, въ 1858 г., при которомъ появился и отличный преподаватель ([18]) этого искусства, приказано было посылать въ Елисаветградъ отъ полковъ небольшія команды, составленныя изъ особо способныхъ людей, для подготовки изъ нихъ учителей гимнастики и волтижировки. „Цѣлію „упражненій гимнастическихъ и волтижорскихъ,—говорить Иванъ Петровичъ въ своемъ приказѣ 1859 г. „№ 16—служитъ: „развитіе въ людяхъ ловкости и крѣ„пости, столь *необходимыхъ* для кавалериста, а потому „занимать ими слѣдуетъ *преимущественно* людей—*не „ловкихъ, мало развитыхъ, вялыхъ*, отнюдь не гоняться

([18]) Віоль, извѣстный, въ свое время, въ Петербургѣ гимнастъ изъ цирка Л. Басенъ.

„за выработкою только нѣсколькихъ ловкачей въ каж-
„дой части, *для показа* на смотрахъ начальству".

Пѣшему строю у улан и гусаръ назначался одинъ урокъ въ недѣлю, а у драгунъ,—какъ говорилось въ приказѣ, надлежитъ тому обучать чаще".

Къ числу предметовъ занятій *зимняго* періода времени относились, конечно, и *занятія въ эскадронныхъ школахъ*, о которыхъ выше было говорено. Но къ числу тѣхъ же предметовъ можетъ быть отнесенъ и еще одинъ родъ занятій, или, правильнѣе,—*упражненій*, хотя послѣднія производились не только въ теченіи всего *зимняго* времени, но и въ періодъ *весеннихъ* занятій, вплоть до выступленія полковъ въ дивизіонные сборы. Говорю о упражненіяхъ, имѣвшихъ цѣлію не только пріученіе нижнихъ чиновъ къ отправленію *почтовой* и *ординарческой* службы,—и даже не *примѣрно*, а *взаправду*, какъ говорится,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и развитіе въ нихъ: *расторопности*, *самостоятельности*, *привычки обходиться безъ начальническихъ указаній* и *находчивости*, что такъ важно въ кавалеристѣ и что особенно стремился развить въ нижнихъ чинахъ Ив. Петров. въ виду именно отсутствія этихъ дорогихъ качествъ въ *регулярномъ* кавалеристѣ, въ противуположность козаку. Суть дѣла заключалась въ учрежденіи *военно-конныхъ почтовыхъ постовъ*, которыми *связывались* штабъ корпуса съ штабами кирасирской, 2-й и 5-й кавалерійскихъ дивизій и съ штабами всѣхъ ихъ полковъ, и *посредствомъ* которыхъ, въ теченіи почти 9-ти мѣсяцевъ въ году, всѣ эти части *должны были обязательно* вести между собою всѣ письменныя сношенія. Дивизіи: 4 и 6-я, квартировавшія въ Курской и Харьковской губерніяхъ, по отдаленности отъ штаба корпуса (въ Елисаветградѣ), съ нимъ

не связывались почтовыми постами, но каждая обязывалась ихъ имѣть у себя. На каждомъ посту имѣлась *особая книга* для записыванія времени полученія и отправки корреспонденціи. На конвертахъ ставились *кресты, число* которыхъ указывало *скорость*, съ какою всадникъ долженъ былъ доставлять порученный ему пакетъ на сосѣдніе посты. Для возки пакетовъ заведены были кожанныя сумки. Одинъ на посту назначался за старшаго. Наблюденіе за линіями постовъ, протянутыхъ отъ одного пункта до другаго, возлагалось на офицеровъ. Посты смѣнялясь еженедѣльно. Люди, вступавшіе на постъ, снабжались отъ частей деньгами, необходимыми для собственнаго довольствія и для довольствія своихъ лошадей, что возлагалось, какъ и правильность доставки пакетовъ, на полную и *личную* ихъ отвѣтственность. Число людей на посту опредѣлялось разстояніемъ, которое имъ приходилось пробѣгать до сосѣднихъ постовъ, и относительною ихъ дѣятельностью, а потому было различно. По счастію у меня сохранилось „Росписаніе“ такихъ военно-почтовыхъ постовъ, которые, для наглядности, считаю за нелишнее приложить въ концѣ этой брошюры ([19]).

Періодъ *весенній*, обнимавшій время: съ конца Марта по *Іюнь*, предназначавшійся для травянаго довольствія (которое, случалось, впрочемъ, въ зависимости отъ Царскихъ смотровъ, переносить и на Сентябрь), посвящался, какъ уже сказано, *эскадроннымъ* и *полковымъ* ученьямъ; причемъ категорически указывалось *не торопиться* переходить къ послѣднимъ, предоставляя *больше* времени

([19]) Смотри: Приложеніе.—Любопытно, что упражненіе это вообще въ Петербургскихъ высшихъ сферахъ не одобрялось, какъ *могущее* повести нижнихъ чиновъ *къ распущенности!!..*

для эскадронныхъ ученій, ибо добавлялось: „тѣмъ лучше будутъ обучены эскадроны, тѣмъ легче пойдетъ и лучше будетъ и обученіе полковъ.“

Эскадроны поставлялось обучать *ежедневно*. ([20]) такъ: одинъ день—дѣйствіямъ въ *сомкнутомъ* строю, другой—*разсыпному* строю и упражненію всадниковъ въ употребленіи оружія противъ видимыхъ предметовъ, на всѣхъ аллюрахъ.—Занятія *стрѣльбою*, а также *гимнастикою* и *фехтованіемъ*, отъ которыхъ, какъ отъ рубки и уколовъ, Иванъ Петровичъ, такъ сказать, *не отставалъ* никогда, должны были производиться послѣ обѣда, по два раза въ недѣлю.

Быстрота построеній фронта во всѣ стороны и *осмысленное употребленіе* и *дѣйствіе* наѣздниковъ требовались при обученіи эскадроновъ строго, но больше всего требовалось при этомъ - обученіе ихъ производству *всѣхъ видовъ атакъ*, имѣвшихъ, по выраженію одного изъ приказовъ по корпусу,—„тоже значеніе для кавалеріи, что *мѣткая стрѣльба* для пѣхоты“

Сохраненіе *разъ взятаго направленія* при прохожденіи *длинныхъ*, около 2000 шаговъ, протяженій, какъ при *сомкнутой*, такъ и при *разсыпной* атакахъ, а при первой, кромѣ того, *стройности* и *компактности*, считались Иваномъ Петровичемъ *основными* данными для оцѣнки имъ—не только *умѣнья* эскадрона производить атаки, но и *степени его обученности вообще*.—Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ практическихъ указаній Ивана Петровича относительно обученія эскадроновъ атакамъ, которыя, характеризуя взгляды его на этотъ предметъ—

([20]) За исключеніемъ *одного* дня въ недѣлю, предназначавшагося для отдыха (Приказаніе по корпусу 1858 г., 14 Марта, № 23.)

какъ мнѣ кажется, не потеряли интереса и по нынѣ. Такъ, напримѣръ:

Для подготовленія эскадрона къ сомкнутой атакѣ указывалось—*по больше* предварительно водить его по *прямому* направленію рысью и галопомъ, а *особенно-галопомъ*.—„А когда пространство учебнаго поля того не „допускало-бы, тогда рекомендовалось *также* водить „эскадронъ, но только „по отдѣленіямъ" *вокругъ* поля, „переходя изъ галопа въ карьеръ по заѣздѣ во фронтъ."

Во избѣжаніе суеты и торопливости при переходѣ, для атаки, изъ галопа въ карьеръ, обучающему рекомендовалось: команду „маршъ—маршъ" произносить „не отрывисто, а нѣсколько протяжно," а для наблюденія за тѣмъ, чтобы, при движеніи въ атаку, небыло *отсталыхъ*—ѣздить иногда самому *позади* фронта. „А чтобы при этомъ удостовѣриться: чья тутъ вина, человѣка „или лошади?—рекомендовалось: на *отстававшихъ* лошадей садить *смѣлыхъ* ѣздоковъ, а *отстававшихъ* людей на быстрыхъ лошадей.—Но если-бы, указывалось „въ одномъ изъ приказовъ (21), эскадронъ при движеніи „въ атаку карьеромъ началъ сильно волноваться, а главное—разрываться и разстраиваться, слѣдуетъ немедленно-же его переводить изъ карьера въ галопъ, а „когда тотъ успокоится и устроится, то опять пускать „въ карьеръ, чѣмъ эскадронный командиръ достигнетъ „сразу двухъ, равно важныхъ цѣлей: научитъ свой эскадронъ *производить* стройныя, плотныя, а слѣдовательно „и *неотразимыя* атаки, да пріучитъ его еще при этомъ „*слушать* всегда свою команду и быть, слѣдовательно, „въ *рукахъ у него*—даже въ самыя критическія минуты."

---

(21) Прилож. къ пр. по корп. 1858 г. № 16.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и еще одинъ пріемъ, введенный *впервые* Иваномъ Петровичемъ и имѣвшій назначеніемъ: возможное въ мирное время пріученіе эскадроновъ къ *быстрому сбору послѣ атаки*, на что также имъ всегда привлекалось вниманіе командировъ. Пріемъ этотъ заключался въ томъ, что командиръ эскадрона ставилъ сначала эскадронъ къ каре т. е. каждый взводъ лицемъ въ поле; а затѣмъ, по командѣ: „врозь!"—приказывалъ взводамъ разсыпаться, шаговъ на 600. ([22]) По разсыпкѣ, каждый человѣкъ могъ ѣхать по произвольному направленію, какимъ угодно аллюромъ, продѣлывая при этомъ вольты, пріемы рубки саблею или колонья пикою, и т. п.; а по сигналу „сборъ," всѣ люди карьеромъ должны были летѣть къ своему командиру и строиться позади его, послѣ чего тотъ производилъ съ ними сомкнутую атаку.

Тѣ-же руководящія основанія давались командирамъ полковъ и при обученіи полковъ. Причемъ имъ приказывалось: гнаться не за одною отдѣлкою уставныхъ формальностей, но „*непремѣнно*" производить также ученья съ *тактическими предположеніями*, а при этомъ—не упускать изъ виду, что атакъ *безъ резервовъ*, цѣлымъ фронтомъ полка, *самостоятельно* дѣйствующаго, въ дѣйствительности почти не бываетъ, и что поэтому *уступная* форма боеваго порядка—*самая важная*, въ которой, слѣдовательно, имъ и надлежитъ особенно практиковать свои полки.—Кромѣ того, требовалось: маневрированіе полка *на двѣ стороны*, пріученіе его къ движенію и дѣйствію на *разнаго рода мѣстности* и преодолѣванію различныхъ *препятствій*, встрѣчающихся на ней, ([23]) а

([22]) Циркулярн. предп. 1858 г., отъ 15 Марта, № 476.

([23]) Циркулярн. предп. 1859 г., 12 Апрѣля, № 673.

въ заключеніе—обученіе его *сторожевой* и *развѣдывательной* службѣ. Занятія послѣднею поставлялось, *преимущественно,* вести *на двѣ стороны,* строго примѣняясь къ мѣстности и не иначе, какъ по предположеніямъ.—Командиры полковъ, сообщивъ предположенія командирамъ эскадроновъ, не должны были затѣмъ вмѣшиваться въ ихъ распоряженія, *критическій разборъ* которыхъ, хотя и обязаны были *всегда* производить, но не иначе, какъ по окончаніи занятій и, при томъ, безъ *рѣзкихъ* замѣчаній.. ([24])

Начальники разъѣздовъ, если они были офицеры, обязаны были всегда представлять кроки или подробныя описанія пройденной мѣстности и всего замѣченнаго ими въ расположеніи непріятеля; а если это были унтеръ-офицеры, то отъ нихъ, въ случаѣ неграмотности, встрѣчавшейся, впрочемъ, въ ту пору, полагаю, не чаще, да и не рѣже, чѣмъ нынѣ, полагалось требовать *толковаго, устнаго* о томъ же разсказа. Кроки мѣстностей, гдѣ располагалась часть, находившаяся на аванъ-постахъ, должны были быть дѣлаемы ея же офицерами.

Обученіе дѣйствія въ *пѣшемъ* строю, что составляло тогда предметъ занятій лишь однихъ драгунскихъ полковъ, указывалось производить, *преимущественно,* на мѣстности, *„дѣйствительно могущей заставить конницу „прибѣгать къ такому образу дѣйствій."*— А такъ какъ при обученіи этому замѣчалась сильная наклонность начальниковъ частей слѣдовать одной лишь часто уставной формалистикѣ, то начальникамъ дивизій, съ ихъ начальниками штабовъ и дивизіонными квартирмейстерами, предписывалось обратить самое заботливое вниманіе

([24]) Приказ. по корпусу 1858 г., № 59.

на обученіе драгунъ *надлежащему* дѣйствію въ пѣшемъ строю при разныхъ условіяхъ мѣстности и боя.

Въ періодъ *лѣтнихъ* занятій, т. е. сборовъ дивизій, производились ученья *уставныя*, а также ученья *одностороннія* и *двухстороннія* по заранѣе составленнымъ предположеніямъ; причемъ, начальникамъ дивизій давались Иваномъ Петровичемъ слѣдующія общія указанія: „не тратить дорогаго времени на *выравниваніе* час„тей *на мѣстѣ*, ограничиваясь при этомъ лишь требо„ваніями разумной необходимости, и не гоняясь за тѣмъ „идеальнымъ равненіемъ, на которое прежде изводились чуть не цѣлые часы къ величайшей истомѣ войскъ." (25)

Въ *резервномъ* порядкѣ обучать войска не столько разнымъ перестроеніямъ въ немъ, производимымъ по обыкновенію на мѣстѣ, сколько прохожденію въ немъ *большихъ протяженій*, и при томъ въ *различныхъ направленіяхъ*, какъ это на дѣлѣ больше всего и требуется. Добиваться возможно *быстрыхъ* переходовъ изъ *резервнаго* порядка въ *боевой*, а при построеніи послѣдняго помнить: что прежнихъ *нормальныхъ* боевыхъ порядковъ *больше нѣтъ*; что боевой порядокъ, принятый уставомъ 1859-го года, есть—*не нормальный*, а только *приготовительный*, который поэтому не только можетъ, но и *долженъ* быть измѣняемъ каждый разъ, сообразно съ обстоятельствами и цѣлію, самимъ же начальникомъ предполагаемою. Не упускать изъ виду также упражненій въ движеніяхъ въ *походномъ* порядкѣ и *въ переходахъ* изъ него въ *резервный*, *боевой*, какъ и—обратно; а главное не забывать, что на войнѣ безъ охраненія и развѣдыванія о непріятелѣ нельзя сдѣлать шагу, почему

---

(25) Приказаніе по корпусу 1859 г., 15 Іюля, № 137.

и давать занятіямъ *сторожевой* и *развѣдывательной* службы *возможно-широкій просторъ и примѣненіе*“ (26).

Но вотъ въ 1861 г. появляется сочиненіе полковника барона Д'Аземара: „Avenir de la cavalerie“, въ которомъ авторъ рекомендуетъ производство въ конницѣ ученій *нѣмую* (à la muette), по однимъ лишь условнымъ знакамъ и движеніямъ начальника части. Считая во всѣхъ случаяхъ команду, сигналъ и приказаніе болѣе благонадежными способами управленія кавалерійскими частями, а особенно большими, да еще въ пыли и пороховомъ дыму, чѣмъ посредствомъ *нѣмыхъ* знаковъ, тѣмъ не менѣе Иванъ Петровичъ не только не отвергалъ возможности примѣненія послѣднихъ иногда въ бою, но придавалъ имъ даже особо-полезное значеніе въ смыслѣ *пріема*, могущаго способствовать *развитію вниманія* во всѣхъ чинахъ и частяхъ, стоящихъ во фронтѣ; почему, почти вслѣдъ за полученіемъ книги Д'Аземара, тотчасъ же послѣдовало приказаніе по корпусу, *обязывающее* всѣхъ начальниковъ частей, не исключая и дивизій, а особенно эскадроновъ и полковъ,—*производить иногда ученья нѣмую*, что, конечно, и было исполняемо. А чтобы показать, какъ это надо дѣлать, и что это вовсе не хитро, а особенно для хорошо обученной части, онъ приказалъ вывести полкъ и самъ, ставъ передъ нимъ, произвелъ ему это ученье, которое, замѣчу мимоходомъ, полкъ выполнилъ прекрасно!... (27).

---

(26) Слова, постоянно повторяемыя Иваномъ Петровичемъ, любившимъ при этомъ ссылаться на казаковъ, сторожка и развѣдка которыхъ, какъ умственная развитость, сметка и самостоятельность ставились имъ всегда въ примѣръ регулярнымъ кавалеристамъ.

(27) Фактъ, сообщенный пишущему Начальн. Штаба корпуса, генераломъ Козляниновымъ.

Но я не считалъ-бы разсказъ мой о томъ, какъ поставлено было и какъ велось дѣло строеваго образованія въ Отдѣльн. Резервн. кавал. корпусѣ достаточно законченнымъ, если-бы не упомянулъ еще здѣсь о требованіяхъ, кои прилагались командиромъ его по отношенію *къ обученію рекрутъ и выѣздкѣ ремонтныхъ лошадей*, а также *къ содержанію* и *подготовкѣ къ трудамъ* строевыхъ лошадей вообще.

По части обученія рекрутъ и выѣздки ремонтныхъ лошадей, что до выдѣленія *резервныхъ* эскадроновъ отъ дѣйствующихъ полковъ, послѣдовавшаго въ 1863 г., составляло спеціальную обязанность этихъ эскадроновъ, Иваномъ Петровичемъ въ 1857-мъ г. была составлена особая инструкція, подъ заглавіемъ: „Наставленіе для резервныхъ эскадроновъ“, въ которомъ самымъ обстоятельнымъ образомъ указывалось: какъ обучать рекрутъ и какъ выѣзжать ремонтныхъ лошадей?

Не стану приводить здѣсь цѣлой 2-й главы этого „Наставленія“, относящейся собственно до обученія рекрутъ, и ограничусь лишь выпискою изъ нея, полагая, что и одной этой выписки, составляющей вступленіе къ этой главѣ, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы судить какъ о цѣломъ содержаніи послѣдней, такъ и о томъ, какъ смотрѣлъ и какія требованія прилагалъ Иванъ Петровичъ къ этому предмету.

„Задача образованія рекрута“,—говорится въ началѣ 2-й главы „Наставленія“ Ивана Петровича,—„будетъ вполнѣ достигнута, если въ теченіи *6-ти мѣсяцевъ* изъ рекрута будетъ выработанъ годный для боя кавелеристъ, т. е. рядовой, умѣющій *твердо сидѣть* на конѣ, *хорошо владѣть оружіемъ* и *понимать важнѣйшія обязанности* воинской службы“.

„Для достиженія этого *прежде* всего требуется, чтобы обученіе рекрута велось съ *разумною постепенностью* и чтобы занятія, не будучи для него слишкомъ *обременительными* ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніи, велись еще съ *перваго*-же начала *такъ*, чтобы *возбудить* въ немъ *охоту* и *любовь* къ предстоящей ему службѣ".

„По прибытіи рекрутъ въ эскадронъ изъ нихъ должна быть сформирована особая команда, начальникомъ которой долженъ быть выбранъ офицеръ, не только отлично знающій кавалерійскую службу, но *терпѣливый* и *хладнокровный*. Такими-же *качествами*, неговоря о *безупречной нравственности*, должны отличаться и унтеръ-офицеры, назначенные въ эту команду".

„Обучающимъ должно быть внушено, что успѣшность обученія рекрута зависитъ *отъ довѣрія*, но *отнюдь не отъ страха*, какой онъ будетъ питать къ нимъ. Такое-же *довѣріе* они должны возбудить въ рекрутѣ и къ *его коню*, въ которомъ онъ долженъ видѣть не врага, а своего боеваго товарища".

„Обученіе рекрутъ должно быть производимо утромъ и послѣ обѣда, но продолжительность каждаго урока не должна превышать *одного часа*".

„Помнить, что правильное, тщательное образованіе рекрутъ есть *залогъ* большаго или меньшаго *совершенства кавалеріи*, что отъ *первоначально* внушенныхъ правилъ и *характера* обученія зависитъ *направленіе* и *дальнѣйшее развитіе кавалериста*. Конечно, *не каждый* рекрутъ въ одинаковой степени способенъ усвоить себѣ всѣ качества, требуемыя отъ кавалериста; но не должно упускать изъ виду, что умѣлое, терпеливое и добросовѣстное обученіе можетъ преодолѣвать препятствія, ка-

жущіяся сначала непреодолимыми, и достигать самыхъ благотворныхъ результатовъ....“

Что-же касается до 3-ей главы того-же „Наставленія,“ излагающей правила выѣздки ремонтной лошади, то не только не стану дѣлать изъ нея выписокъ, но не буду даже и говорить о ней, такъ какъ это составило-бы лишь почти дословное повтореніе того, что нынѣшнему каждому кавалеристу очень хорошо извѣстно и изъ „Наставленія для выѣздки ремонтной лошади,“ составленнаго въ 1870 г. генеральнаго штаба полковникомъ Новицкимъ, мнѣніе котораго о этомъ своемъ трудѣ приведено мною выше. А потому, перехожу прямо къ ознакомленію моего читателя съ тѣми взглядами, которые Иванъ Петровичъ имѣлъ на *тѣло* и *содержаніе* кавалерійской лошади, о чемъ въ нашей конницѣ, подъ вліяніемъ показно-смотровыхъ требованій предшествовавшаго времени, сложились самыя, можно сказать,—зловреднѣйшія по своей нелѣпости понятія. Да не только сложились, но еще и такъ окрѣпли, а особенно въ высшихъ командныхъ слояхъ, что для ниспроверженія этихъ нелѣпыхъ понятій ему приходилось, какъ это видно изъ приказовъ, выдержать даже очень, и очень не легкую борьбу.—Такъ, напр., въ одномъ изъ приказовъ 1858 г., отъ 8-го Мая, говорится Иваномъ Петровичемъ, что „нѣкоторые начальники и эскадронные командиры все еще продолжаютъ держаться *фальшивыхъ* воззрѣній на содержаніе лошади и, полагая выказать усердіе и попечительность о своей части, всячески стараются возможно *больше раскармливать* лошадей, *безъ надлежащаго употребленія ихъ въ работу*. Еще разъ *повторяю*, что такое содержаніе *положительно вредно*, ибо дѣлаетъ лошадь *вялою, тяжелою*,—не только неспособною къ *быстрымъ* и *продолжительнымъ* движеніямъ,

но при нѣсколько лишь усиленныхъ трудахъ приходящею даже *въ полную негодность*. *Истинно-кавалерійская* лошадь должна быть *легка*, *сыта*, но отнюдь *не тучна*, имѣть *полные окорока*, но *не отвислое брюхо*, что достигается единственно кормленіемъ лошади положенною закономъ дачею фуража при *ежедневной* работѣ.

„Надѣясь, что начальники дивизій будутъ слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за этимъ *первостепенной* важности предметомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю, что, если-бы, вопреки моимъ ожиданіямъ, нашлись какіе либо эскадроны, въ коихъ лошади будутъ содержаться несоотвѣтственно своему назначенію, то командировъ таковыхъ отъ командованія немедленно-же удалять.“— Но побѣждать предразсудки, какъ извѣстно тяжелое дѣло!—Едва проходитъ четыре мѣсяца послѣ выхода этого приказа, заканчивающагося такою угрозою, какъ Иванъ Петровичъ находится вынужденнымъ отдать и и новый, заканчивающійся угрозою еще болѣе тяжеловѣсною: „несмотря на *неоднократныя* уже мои подтвержденія, что кавалерійская лошадь должна быть сыта, но *не тучна*,—*легка* и *втянута* въ труды, я“,— говорится въ этомъ приказѣ,—„при настоящемъ смотрѣ Драгунской бригады 5-й Кавалерійской дивизіи, нашелъ, а особенно въ Черниговскомъ полку, лошадей *чрезмѣрно тучными*, съ *отвислыми* животами и *набитыми* пахами, отчего онѣ при продолжительныхъ движеніяхъ задыхались.—Для истино кавалерійской лошади *недостаточно* быть *наскаканной на столько*, чтобы безъ устали проходить карьеромъ *по нѣскольку лишь саженъ:* она *должна быть* настолько *втянута* въ труды, чтобы проходить *легко* и *свободно большія пространства* быстрымъ аллюромъ, *даже полукарь-*

ромъ, легко переходя отъ него и въ полный карьеръ, для атаки.—Объявляя на этотъ разъ *строгій выговоръ* командирамъ обоихъ драгунскихъ полковъ, предупреждаю, что если и засимъ еще я въ какихъ либо частяхъ найду подобное содержаніе лошадей, то уже приму болѣе строгія мѣры, дабы то, что приказано, исполнялось съ точностью.“ (28) — Но, по счастью, къ болѣе строгимъ мѣрамъ прибѣгать не пришлось. Правильныя требованія Ивана Петровича были, наконецъ, не только выполнены, но, что еще важнѣе,—поняты, доказательствомъ чему могутъ служить какъ благодарности, которыя въ послѣдующіе годы своего командованія ему сплошь и рядомъ пришлось объявлять за *правильное содержаніе* и *тѣла* лошадей, такъ и та легкость, съ какою установилась въ частяхъ корпуса и еще одна мѣра, принятая имъ по отношенію ко втягиванію строевыхъ лошадей въ труды, и бывшая уже настоящимъ *нововведеніемъ.* Говорю про походныя движенія конницы *перемѣнными* аллюрами, что было установлено приказомъ по корпусу отъ 23-го Января 1859 г., которымъ предписывалось: „*всѣ походныя* передвиженія частей корпуса, съ какою бы цѣлью они не производились (слѣдовательно, не исключая и передвиженій частей съ мѣстъ квартирнаго своего расположенія въ общіе сборы и—обратно), производить *не иначе,* какъ на половину—*рысью,* на половину—*шагомъ,* распредѣляя на *каждомъ переходѣ* движеніе этими аллюрами *сообразно* съ мѣстными условіями и состояніемъ дорогъ и отнюдь не дозволяя людямъ спѣшиваться и вести лошадей въ поводу“—„Пусть не подумаютъ нѣкоторые,“—говорилось въ томъ-же приказѣ,—„что подобныя передвиженія вре-

(28) Приказ. по корпусу 5 Сентября 1858 г. № 99.

дно отразятся на здоровьи людей и сбереженіи лошадей. Ими, напротивъ, какъ это показалъ опытъ, произведенный мною при штабѣ корпуса съ эскадрономъ, составленнымъ изъ лошадей разныхъ породъ, и въ полкахъ 4-ой кавалерійской дивизіи, здоровье и силы людей и лошадей сберегаются еще лучше, да къ тому-же подобнаго рода передвиженія могутъ служить *вѣрнѣйшимъ* средствомъ для подготовки кавалеріи къ тѣмъ трудамъ и форсированнымъ переходамъ, которые обыкновенно такъ часто требуются отъ нея *на войнѣ*".

Но теперь никто даже и не подумалъ не только оказывать какое либо пассивное противодѣйствіе этой *новой* мѣрѣ, но даже и усумниться въ правильности ея, какъ это было въ 1856, 1857 и 1858 годахъ при установкѣ въ частяхъ корпуса „*истинно-кавалерійскихъ*," а не ярмарочно-барышническихъ, содержанія и тѣлъ строевыхъ лошадей. Да и тогда, развѣ то были противодѣйствіе или сомнѣніе въ правильности требованій Ивана Петровича, власть котораго была такъ-же велика по отношенію къ подчиненнымъ, какъ авторитетъ и привязанность, которыми онъ пользовался у нихъ?—Нѣтъ, то былъ просто медленный процессъ *сбрасыванія* съ себя нашею коинцею старыхъ привычекъ, рутины, отрываться отъ которыхъ, даже и при сознаніи всей ихъ зловредности и нелѣпости, всегда бываетъ крайне тягостно и даже болѣзненно какъ для человѣка, такъ и для человѣческихъ установленій, учрежденій и обществъ, отъ того-то, къ великому прискорбію, и не быстро двигающихся, а еле-еле ползущихъ и кое-какъ ковыляющихъ по пути собственнаго благоустройства и совершенствованія.....

Все въ тѣхъ-же видахъ воспитанія строевой лошади—не для парадовъ и смотровъ, о которыхъ только и

было рѣчи до окончанія Восточной войны, а *для войны* въ Отдѣльн. Рез кавал. корпусѣ было установлено, какъ *правило*: во время всѣхъ сборовъ, какъ эскадронныхъ, полковыхъ, такъ и дивизіонныхъ, *всѣхъ, безъ исключенія*, строевыхъ лошадей держать всегда *на коновязяхъ*, что признавалось Иваномъ Петровичемъ, кромѣ того, въ высшей мѣрѣ полезнымъ для лошади и въ чисто гигіеническомъ отношеніи, какъ то подтверждалъ и опытъ.

Горячо,—отъ всей, какъ говорится, души и сердца, заботясь не только о „подведеніи нашей конницы къ одному знаменателю,“ но и о томъ, чтобы сдѣлать ее *лучшею въ свѣтѣ*, не могъ Иванъ Петровичъ, съ своимъ вѣрнымъ сотрудникомъ, начальникомъ штаба, генер. К—вымъ, обойти и вопроса о *ремонтированіи*, находившемся тогда въ очень и очень незавидномъ положеніи, хотя, увы!—какъ по количеству, такъ и по качеству имѣвшихся въ ту пору на Руси лошадей, наша конница могла-бы быть ремонтирована такъ, какъ никакая другая!—Много и очень много дѣлалось имъ представленій по этому предмету, но, къ сожалѣнію, копій ихъ въ рукахъ у меня не имѣется, а память на старости стала измѣнять, почему и не стану говорить о нихъ.

Помню и знаю однако отлично, что одна изъ весьма серьезныхъ мѣръ, клонившихся къ улучшенію качествъ ремонтныхъ лошадей и заключавшаяся въ *облегченіи* ремонтерамъ пріобрѣтенія ихъ предоставленіемъ имъ права поставлять въ полки *разношерстныхъ* лошадей, была принята тогда именно по представленію Ивана Петровича. Человѣкъ практическій, онъ всегда говаривалъ:

„мы ѣздимъ *не на шкурь*, а на лошади; а между тѣмъ не принимаемъ отъ ремонтера *самой лучшей* лошади, разъ она *не подходящей* намъ *масти*. А изъ этого выходитъ то, что онъ при покупкѣ лошади смотритъ *прежде всего—не на качества* ея, а на *шкуру*, за которую и платитъ деньги?!...“—Формированіе однако эскадроновъ по *мастямъ* лошадей, такъ же точно, какъ и *рѣзкія* отличія *въ обмундированіи* полковъ кавалеріи, Иванъ Петровичъ признавалъ не только полезнымъ, но и *крайне необходимымъ* для *скорѣйшаго сбора* частей, разлетающихся по полю сраженія даже послѣ удачной атаки, чему и представлялъ много примѣровъ изъ собственной боевой практики. Но такое формированіе, по мнѣнію его, не могло встрѣтить затрудненій и при приводѣ въ полки ремонтерами *разношерстныхъ* лошадей,—какъ то дѣйствительно впослѣдствіи практикою и подтвердилось. А что касается до *одномастности* цѣлыхъ полковъ, то онъ считалъ это уже совершенно излишнею *роскошью*, къ которой относился тѣмъ съ большимъ неодобреніемъ, что оно, по его убѣжденію, вредно вліяя на *качественный составъ* строевыхъ лошадей, извращало еще при этомъ вкусы и взгляды—не однихъ ремонтеровъ, но и кавалерійскихъ офицеровъ вообще, изъ которыхъ каждый, пріобрѣтая коня, долженъ *прежде всего* заботиться, чтобы тотъ былъ—*крѣпкій*, *сильный*, *быстрый*, а *затѣмъ* уже—*красивый*, хотя и это однако *мастью*, какъ извѣстно, далеко не обусловливается.

Помню и еще одно обстоятельство, также тѣсно связанное съ вопросомъ о ремонтированіи, о которомъ тогда шли вообще очень большіе толки, а особенно о томъ: *какія* именно изъ *лошадиныхъ породъ*, имѣющихся въ Россіи, надлежитъ считать *наиболѣе подходящими* для нашей конницы?—Не любя вообще рѣшенія вопро-

совъ путемъ à priori, а особенно такихъ практическихъ, какъ вышеприведенный, Иванъ Петровичъ вошелъ съ ходатайствомъ о пріобрѣтеніи до ста лошадей разныхъ породъ и *испытаніи* ихъ въ особо—составленномъ для того эскадронѣ, на что въ 1857 г. и получено было ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе.

Искупленныя лошади породъ: новороссійской, малороссійской, великороссійской, донской, черноморской, киргизской и башкирской, были приведены, въ Мартѣ 1858 г., въ Елисаветградъ, гдѣ, по осмотрѣ ихъ самимъ Иваномъ Петровичемъ, сведены въ *особый* эскадронъ, офицеры и нижніе чины котораго были собраны отъ разныхъ полковъ корпуса. Въ эскадронѣ этомъ, просуществовавшемъ до осени 1859 г., когда онъ послѣ Царскаго смотра, на которомъ удостоился полнаго одобренія, былъ расформированъ, произведены были всяческія испытанія, какъ по отношенію способностей лошадей разныхъ породъ къ *воспріятію строевой выѣздки*, такъ и къ *перенесенію тяжелыхъ трудовъ*.

На четвертомъ мѣсяцѣ по сформированіи своемъ, эскадронъ этотъ былъ, между прочимъ, представленъ на смотръ генералу Гринвальду, считавшемуся тогда однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ лошади и ея выѣздки. И г. Гринвальдъ до того былъ пораженъ не только усмиреніемъ, послушаніемъ, спокойствіемъ лошадей, но и тою правильностью, съ какою ими производились всѣ требуемыя движенія, что просто не хотѣлъ вѣрить, что предъ нимъ были лошади, изъ которыхъ ко многимъ, какихъ-нибудь три—четыре мѣсяца назадъ, едва можно было подступить!... Также точно всѣ онѣ прекрасно выдержали и тяжелые труды, которымъ были подвергаемы, начиная съ десятаго мѣсяца по приводѣ ихъ, заключавшіеся въ форсированныхъ передвиженіяхъ на 40,

50, и т. д., до 100 верстъ въ сутки; при чемъ свыше установленной дачи фуража имъ не давалось никогда, а случалось, что иногда, въ видѣ опыта, имъ въ теченіи сутокъ кромѣ травы или сѣна не отпускали ничего больше.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ испытаній, производившихся при условіяхъ самыхъ тщательныхъ наблюденій и провѣрокъ, что давало указаніямъ ихъ особую цѣну, выходило такимъ образомъ, что вопреки всѣмъ разсказамъ и разсужденіямъ о преимуществахъ той или другой породы лошади предъ прочими,—*всѣ имѣющіяся у насъ породы лошадей равно годны для службы въ кавалеріи*, лишь бы только въ частяхъ ея лошади *содержались, выѣзжались* и *ѣздились* съ надлежащими умѣньемъ и заботливостью...

Не стану касаться здѣсь разныхъ мѣръ, которыя были принимаемы генер. барон. Оффенбергомъ по части матеріальнаго благоустройства частей, какъ, напримѣръ: введенія въ эскадронахъ отчетности и *особыхъ книгъ* для записыванія въ нихъ *харчевыхъ* и *собственныхъ* солдатскихъ суммъ, о чемъ до той поры и не помышляли; учрежденія въ каждомъ полку *должности офицера, завѣдующаго оружіемъ* ([29]), и проч., и проч., о чемъ, по неимѣнію у меня ни архивныхъ, ни другихъ какихъ-либо матеріаловъ, припомнить хорошо уже не могу. Но мнѣ тяжело было бы, заканчивая мои стариковскіе разсказы, не сказать здѣсь—хотя нѣсколько словъ—о заботливости, съ какою Иванъ Петровичъ всегда относился къ солдату, о чемъ я храню самое отрадное воспоминаніе,—тѣмъ болѣе, что эта заботливость исходила

(29) Приказ. по корп., 31 Декабря 1857 г., № 160.

у него не столько даже изъ привычки къ строгой исполнительности всѣхъ лежащихъ на немъ служебныхъ обязанностей, сколько изъ неподдѣльной привязанности къ русскому солдату, любить и высоко цѣнить котораго онъ научился съ первыхъ годовъ своей долголѣтней службы, начатой въ разгарѣ самыхъ тяжелыхъ войнъ, какія когда-либо приходилось вести Россіи.

Бывши всю свою жизнь ненавистникомъ жестокаго обращенія съ солдатомъ, которое когда-то такъ процвѣтало въ нашей арміи, и отзываясь всегда о лицахъ, отличавшихся такимъ обращеніемъ, не иначе, какъ съ сарказмомъ и омерзеніемъ, Иванъ Петровичъ былъ такимъ же ненавистникомъ и гонителемъ—не только своекорыстныхъ, но и беззаботно-безшабашныхъ начальническихъ отношеній къ потребностямъ и нуждамъ солдата.

Въ то время, когда формировался Отдѣльный Резервный Кавалерійскій корпусъ, жестокое обращеніе и палочная муштра, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, начинавшихъ послѣ Восточной войны все шире и глубже охватывать всѣ слои русскаго общества, начали какъ-бы сами собою быстро исчезать, по крайней мѣрѣ изъ рядовъ кавалеріи; а если и случалось,—да и могло-ли то быть иначе?—что еще проявлялись кой-гдѣ, то вообще очень рѣдко, да и то тотчасъ-же возбуждая противу себя чувство почти всеобщаго отвращенія и негодованія. Такимъ образомъ съ этой стороны, говоря по правдѣ, *особенныхъ* мѣропріятій къ огражденію солдата уже не требовалось. Иванъ Петровичъ чрезвычайно радовался такому повороту понятій и, хотя ни къ какимъ особымъ мѣрамъ и не прибѣгалъ, тѣмъ не менѣе не переставалъ однако зорко слѣдить въ этомъ направленіи, и не только словесно и письменно внушать своимъ подчиненнымъ, что „между дисциплиною и варварствомъ, между обуче-

ніемъ и зуботычиною—общаго нѣтъ ничего (30)," но, въ случаяхъ проявленія старой закваски, и неумолимо преслѣдовать виновныхъ. Такъ, судился, по его распоряженію, за жестокое обращеніе съ солдатами, Ст—скаго драгунскаго полка одинъ маіоръ Пл—новъ, и былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ. Пл—новъ всегда считался въ полку образцовымъ командиромъ эскадрона, впавшимъ въ преступленіе не столько, быть можетъ, по звѣрству своей натуры, сколько по взглядамъ и обычаямъ, которые впитала въ него сама-же служба, начатая и имъ самимъ съ солдатской лямки. А потому, начальникъ дивизіи, гдѣ служилъ Пл—новъ, узнавъ о рѣшеніи суда, нарочно пріѣхалъ къ Ивану Петровичу съ просьбою,—если не о помилованіи „усерднаго не по разуму" стараго служаки, то о смягченіи ему наказанія. Пишущему эти строки пришлось быть нѣмымъ свидѣтелемъ этого эпизода.—„Какъ! и вы.—вы просите моего ходатайства за Пл—ва?! горячо заговорилъ Иванъ Петровичъ.—Да если-бы я не стыдился сдѣлаться самъ Пл—вымъ, то я просилъ-бы Государя наказаніе его удесятерить!—Никогда, никогда!—Пора же положить конецъ этому живодерству, не только позорящему, но развращающему нашу армію"!!..—Иванъ Петровичъ даромъ ничего говорить не любилъ.—Рѣшеніе суда получило ВЫСОЧАЙШУЮ конфирмацію.—При такомъ начальникѣ, человѣческому, христіанскому духу времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *правильнымъ* воззрѣніямъ командировъ на солдата, распространяться въ рядахъ корпуса было не тяжело: они дѣйствительно быстро въ нихъ и распространились.....

---

(30) Слова Ивана Петровича, взятыя изъ рѣчи, съ которою онъ обратился на прощаньи къ офицерамъ, окончившимъ курсъ Елисаветградск. Офицерскаго училища въ 1860 г.

Въ нѣсколько иномъ, даже можно сказать,—въ гораздо болѣе мрачномъ свѣтѣ, появлялся тогда вопросъ о матеріальномъ благосостояніи солдата. Надобно сказать, что въ конницѣ, гдѣ при тогдашней системѣ полковаго хозяйства, вся *безгрѣшная прибыль* командировъ полковъ и эскадроновъ получалась главнѣйшимъ образомъ съ фуражнаго довольствія, а командировъ полковъ, кромѣ того, отчасти еще съ отпусковъ на обмундированіе, отпускъ на продовольствіе солдата никогда не былъ предметомъ своекорыстной начальнической эксплуатаціи. Мало того. Командиры полковъ и эскадроновъ не только въ большіе праздники, табельные дни, а также въ дни полковыхъ и эскадронныхъ праздниковъ, но даже и по разнымъ случаямъ, какъ напр., послѣ удачно отбытыхъ смотровъ, по поводу своихъ собственныхъ именинъ или какихъ-либо семейныхъ или товарищескихъ радостей, и т. п.,—всегда были не прочь прибавить что либо къ довольствію солдата и изъ собственнаго кармана, часто очень даже щедро,—тѣмъ болѣе, что расчетливость, не говоря уже о скупости, подвергалась въ подобныхъ случаяхъ самымъ рѣзкимъ насмѣшкамъ со стороны своихъ-же сослуживцевъ. Но за всѣмъ тѣмъ,—странное дѣло!—настоящей, серьезной, изо-дня—въ день идущей заботы о благосостояніи солдата не было почти что нигдѣ!—Хуже: сложилось мнѣніе, что вся начальническая забота о солдатѣ должна ограничиваться лишь тѣмъ, чтобы онъ былъ на смотрахъ и парадахъ чисто и нарядно одѣтъ, чисто вымытъ, выбритъ и аккуратно нафабренъ; а что до того, во что онъ одѣтъ на домашнихъ ученьяхъ и въ домашнемъ быту, тѣмъ и какъ онъ питается, то это уже считалось дѣломъ—не *господъ—начальниковъ*, а вахмистровъ, въ рукахъ которыхъ оно всецѣло и находилось. Что изъ такого дворянско-гос-

подскаго воззрѣнія выходило?—полагаю, можно понять и безъ поясненій.

Выше было уже говорено о установленіи Иваномъ Петровичемъ въ эскадронахъ отчетности и заведеніи въ нихъ на этотъ предметъ хозяйственныхъ шнуровыхъ книгъ, что было однимъ изъ *первыхъ* его распоряженій по вступленіи въ командованіе корпусомъ. Вслѣдъ за этимъ не замедлили появиться и другія, заключавшіяся въ предписаніяхъ, чтобы никакая часть *харчевыхъ* солдатскихъ суммъ *никогда* и *ни подъ какимъ видомъ* не расходовались *ни на какіе посторонніе* предметы, *кромѣ довольствія людей;* чтобы въ виду того, что эти суммы и безъ того *значительны,* заботиться не о дальнѣйшемъ увеличеніи ихъ, что признается излишнимъ, а о *возможномъ улучшеніи*, *увеличеніи* и *разнообразіи* солдатской пищи, что какъ говорилось въ приказѣ ([31]), —„принесетъ болѣе пользы здоровью солдата, чѣмъ даже ежедневное употребленіе говядины *безъ этихъ условій*“; чтобы, при этомъ,—не расходовать однако харчевыхъ суммъ, не соблюдая строгой расчетливости, а для этого, гдѣ можно,—заводить артельные огороды, и вездѣ пріобрѣтать продукты, какъ-то: капусту, бураки, и проч., не по мел..амъ, а непремѣнно оптомъ.

Но, не довольствуясь однѣми бумажными предписаніями, Иванъ Петровичъ завелъ еще и строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ихъ, провѣряя ходъ и порядки артельнаго довольствія въ частяхъ не только чрезъ посредство начальниковъ дивизій, нарочно посылаемыхъ имъ для того лицъ, но и *самолично*, при своихъ инспекціяхъ. А когда онъ наконецъ убѣдился, что дѣло довольствія солдата, находившееся такъ долго въ

([31]) Приказы по корп.: отъ 20 Апрѣля 1857 г., № 46 28 Іюня 1857 г., № 85.

забросѣ, начало принимать надлежащій видъ, то отдалъ приказъ,—правда, не многословный, но много-сказавшій командирамъ частей: „Объявляю по корпусу“ (32),—говорится въ немъ,—„что *отличное положеніе артельнаго хозяйства* и *такое-же продовольствіе* нижнихъ чиновъ *всегда было* и *будетъ* служить для меня вѣрнѣйшею рекомендаціею *способностей* и *усердія* командировъ частей. И *статью эту* я *всегда* и *преимущественно* буду имѣть въ виду при всякой возможности, ходатайства о наградахъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ корпуса“.

Къ числу тѣхъ-же мѣръ заботливости Ивана Петровича надлежитъ отнести и заведеніе имъ въ войскахъ своего корпуса *полушубковъ*, которые не только должны были составлять зимнюю одежду нижнихъ чиновъ, но въ которыхъ предписывалось производить зимою всѣ ученья и даже выводить ихъ на смотры.—„Полушубокъ,—говаривалъ Иванъ Петровичъ,—составляетъ національную одежду, которую русскій человѣкъ привыкъ носить съ дѣтства; а потому лишать его этой одежды на службѣ,—значитъ не только безцѣльно нарушать его привычки, но подвергать напрасно простуднымъ болѣзнямъ, а у солдата и безъ того есть много причинъ, отъ чего захворать...“—Но, относясь внимательно къ *національнымъ* привычкамъ солдата, чтобы, съ другой стороны,—не впасть въ крайность и не превратить солдата, одѣтаго въ полушубокъ, въ мужика по виду, Иванъ Петровичъ приказалъ: „пашить на полушубки *воротники* и *погоны* по формамъ, присвоеннымъ полкамъ.

Я кончилъ.

Не стану проводить никакихъ параллелей между тѣмъ, что дѣлалось въ нашей армейской конницѣ при

(32) Приказъ отъ 20 Апрѣля 1858 г.,—№ 46.

генералѣ Оффенбергѣ 2-мъ, слишкомъ четверть вѣка тому назадъ, и тѣмъ, что дѣлается на благо ей въ теченіи послѣдняго десятилѣтія: я слишкомъ старъ для такихъ параллелей.—Но, да проститъ меня читатель, если я, быть можетъ и ошибочно, а скажу, что часто, очень часто, когда я смотрю или слушаю про то, что *нынѣ уже введено*, или,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, а особенно мнящихъ себя новаторами въ кавалеріи,—*должно быть введено* для ея обновленія и усовершенствованія, мнѣ кажется, что все это *новое*, есть не болѣе, какъ именно то *старое*, но нынѣ хорошо забытое, что такъ ревностно и дальновидно силился насадить въ нашей конницѣ нынѣ, увы! забытый всѣми, бывшій Командиръ Отдѣльнаго Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, генеенералъ отъ кавалеріи баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ 2-й,—вспоминая про котораго, мнѣ невольно приходятъ въ голову слова поэта, посвященныя памяти одного замѣчательнаго человѣка, но которыя такъ-же точно могли-бы быть посвящены памяти и Ивана Петровича:

И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила....

Да и не однимъ друзьямъ, сослуживцамъ или подчиненнымъ Ивана Петровича надлежало-бы давно уже проторить дорогу къ могилѣ его, но и всѣмъ тѣмъ, кому дороги настоящее и будущее нашей конницы, на благо которой онъ такъ долго, честно и даровито потрудился.

РОСПИСАНІЕ

пунктовъ военно-конныхъ почтъ, учрежденныхъ отъ войскъ Отдѣльнаго Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса для сообщенія между собою.

Названіе пунктовъ.	Число верстъ.	Число людей	Число лошадей.	Отъ какихъ полковъ содержатся.
Въ Елисаветградѣ . . .	—	6	6	Отъ Сводной Кирасирской дивизіи.
Отъ Елисаветграда до г. Кременчуга.				
с. Адмамка	$21\frac{1}{2}$	4	3	Отъ Малороссійскаго полка.
п. Новая-Прага. . .	24	9	8	Отъ сборной команды, состоящей при дивизіонномъ штабѣ.
г. Александрія . . .	$20\frac{1}{2}$	3	3	Отъ Астраханскаго полка.
с. Косовка	16	4	3	
„ Павлышъ. . . .	28	3	2	Отъ Военнаго Ордена полка.
г. Кременчугъ . . .	20	—	—	
Отъ п. Новой-Праги до г. Новогеоргіевска.				
г. Александрія . . .	$20\frac{1}{2}$	—	—	
с. Косовка	16	—	—	

с. Никольское . . .	17	3	2	Отъ Екатеринославскаго полка.
г. Новогеоргіевскъ . .	15	4	4	Двѣ отъ Екатеринославскаго и двѣ Военнаго Ордена полка.
Отъ п. Новой-Праги до с. Стецовки.				
с. Дмитровка . . .	27	4	3	Отъ Малороссійскаго полка.
„ Стецовка	28	2	2	Отъ Глуховскаго полка.
Отъ п. Новой-Праги до с. Елисаветградки.				
с. Дмитровка . . .	27	—	—	
„ Елисаветградка . .	22	2	2	Отъ Лейбъ-Псковскаго полка.
Отъ с. Елисаветградки до г. Новогеоргіевска.				
с. Вершацъ	28	3	2	Отъ Глуховскаго полка.
„ Стецовка	12	—	—	
г. Новогеоргіевскъ . .	27 1/2	—	—	
Отъ п. Новой-Праги				
до с. Новаго-Стародуба .	20	2	2	Отъ Стародубовскаго полка.
Отъ п. Новой-Праги				
до с. Новгородки . . .	31	2	2	Отъ Новгородскаго полка.

Отъ с. Новгородки до г. Елисаветграда.				
с. Покровское . . .	16 1/2	2	1	Отъ Новгородскаго полка.
г. Елисаветградъ . .	15	—	—	
Итого отъ дивизіи.	—	53	45	
2-й легкой Кавалерійской дивизіи.				
Отъ г. Умани до м. Ладымина.				
г. Умань.	—	3	3	Отъ Смоленскаго уланскаго полка.
с. Россошки	19	2	2	
Отъ г. Умани				
до Маньковки . . .	25	—	—	Отъ Харьковскаго уланскаго полка.
Отъ г. Умани				
до с. Бабанки	22	—	—	Отъ Харьковскаго уланскаго полка.
Итого отъ дивизіи.	—	9	9	
5-й легкой Кавалерійской дивизіи.				
Отъ г. Вознесенска до г. Елисаветграда.				
г Вознесенскъ . . .	—	5	5	Отъ Кіевскаго гусарскаго полка.
Александровка . .	15	4	3	
Константиновка . .	17 1/2	3	3	
Благодатное . . .	19 3/4	4	4	

Лысая Гора . . .	21	5	4	От Черниговскаго драгунскаго полка.
Песчанный Бродъ .	25	4	4	
Новоукраинка . .	16	5	5	От Казанскаго драгунскаго полка.
Плетеный Ташлыкъ .	21	3	3	
Большая Виска . .	16	4	4	
Грузское	16	4	4	
г. Елисаветградъ . .	15	—	—	
Отъ г. Вознесенска до г. Новомиргорода.				
Александровка . .	15	—	—	
Константиновка . .	$17^1/_2$	—	—	
Благодатное . . .	$19^3/_4$	—	—	
Лысая Гора . . .	21	—	—	
Песчанный Бродъ .	25	—	—	
Новоукраинка . .	16	—	—	
Плетеный Ташлыкъ.	21	—	—	
с. Большая Виска . .	16	—	—	
Панчевъ	18	4	3	Отъ Бугскаго уланскаго полка
г. Новомиргородъ . .	15	4	3	
Отъ г Вознесенска до м. Саврани.				
с Александровка . .	15	—	—	
Константиновка . .	$17^1/_2$	—	—	
Благодатное . . .	$19^3/_4$	—	—	
г. Ольвіополь . . .	23	3	3	Отъ Ингерманландскаго гусарскаго полка.
хут. Мечетинскіе . . .	20	3	3	
Тридубы	16	3	3	
м. Сарвань	25	3	3	
Отъ г. Вознесенска до с. Ольшанки и п. Новоархангельска.				
Александровка . .	15	—	—	
Константиновка . .	$17^1/_2$	—	—	

Благодатное . . .	$19^3/_4$	—	—	
Лысая гора . . .	21	—	—	
с. Ольшанка. . . .	18	4	4	От Черниговскаго драгунскаго полка.
Добрянка. . . .	13	3	3	
Тишковка. . . .	17	4	3	От Одесскаго уланскаго полка.
п. Новоархангельскъ .	20	4	3	
Отъ г. Елисаветграда до г. Новомиргорода и п. Новоархангельска, для сообщенія со 2-ю дивизіею.				
Грузское	15	—	—	
Панчевъ	27	—	—	
г. Новомиргородъ . .	15	—	—	
с. Коробчино . .	11	4	4	Отъ Бугскаго уланскаго полка.
Петроостровъ. . .	17	4	3	Отъ Одесскаго уланскаго полка.
Калниболото . . .	22	4	3	
п. Новоархангельскъ .	$16^1/_2$	—	—	
Отъ г. Елисаветграда до с. Елисаветградки				
с. Суботецъ	21	4	3	Отъ Бугскаго уланскаго полка.
с. Елисаветградка . .	18	—	—	
Итого отъ дивизіи.	—	92	82	

1938

